

Прохненко И.А., Гомоляк Е.М., Мойжес В.В. (г.Ужгород)

Результаты исследования Виноградовского и Королёвского замков в 2007 году

Замки Верхнего Потисья выступают ключевыми памятниками при изучении одного из наименее исследованных отрезков региональной истории – эпохи средневековья. Как правило, именно с ними связан солидный пласт легенд и значительный комплекс письменных источников, анализ которых с привлечением археологических данных позволяет создать основную канву исторического развития населения региона от начала II тыс. н.э. до XVII в. н.э.

Отметим, что замки северо-восточной окраины Верхнего Потисья – Закарпатья, которых на сегодняшний день в научной литературе зафиксировано 12 (рис.1) (Гомоляк, 2006, с.230), в археологическом плане практически не исследованы. Стационарные раскопки проводятся только на Невицком, где с 1991 года работает постояннодействующая экспедиция во главе с А.В.Дзембасом (Дзембас, 2001, с.249-257; Дзембас, Кобаль, 2005), а на Среднянском, Ужгородском и Мукачевском замках проводились лишь изыскания разведывательного характера (Бернякович, 1957, с.435-455; Rapport, 1965, old.61-66).

Сложившаяся ситуация стала основанием для обращения внимания к замкам Закарпатья археологической экспедиции Ужгородского национального университета. Для исследований полевого сезона 2007 года выбраны находящиеся в 10 км друг от друга памятники военного зодчества в г.Виноградово и пос.Королёво (Виноградовский район Закарпатской обл. Украины).

Виноградовский замок расположен в урочище Канков на восточной окраине г.Виноградово (до 1946 г. – г.Севлюш) у подножия Чёрной горы, выходящей противоположным склоном к р.Тисе. Укрепления возведены в форме четырёхугольника (размером 44,5 x 35 м) с выступающими угловыми бастионами, наиболее мощным из которых был северный. Кроме непосредственно замкового сооружения, в архитектурный ансамбль входили капличка и церковь с пристройкой, состоящей из подсобных и жилых помещений. Весь комплекс построек был окружён мощной каменной стеной (рис.2). Между церковью и основным сооружением находился колодец.

История замка в научной литературе рассматривается как непрерывная цепь важных событий, начиная с IX и до XVI в. н.э. (создание, перестройки, передача из рук в руки, захваты, разрушения, гибель). Коротко рассмотрим источники, на основании которых была создана хронологическая канва их развития.

Возведение Виноградовского замка как резиденции местного славянского феодала определяется IX в. (Поп, Поп, 1971, с.76-77), хотя в более поздней литературе уточняется, что замка не каменного, а земляного, то есть городища (Поп, 2001, с.116). В отношении ранней истории фортификаций утверждается, что с конца X в. местность вокруг Севлюша попадает под власть венгерских вождей, а само поселение вместе с укреплением позднее становится одним из центров пограничной зоны Венгерского королевства (Поп, 2006, с.136). Конкретизируется, что в XI в., в процессе включения Верхнего Потисья в состав Венгерского королевства, Канков

стал рыцарским замком (Поп, Поп, 1971, с.76-77), а до середины XII в. он вместе с поселением Севлюш вошёл в состав королевской доминии Нялаб с центром в Киральхазском замке (Королёво – до 1946 года Киральхаза).

Во второй половине XII в. (Поп, 2006, с.136) венгерский король Гейза II (1141 - 1162 гг.) организывает в данном районе отдельную административную единицу – комитат (жупу) Угочу с центром в замке Канков, принадлежавшем ему вместе с Севлюшем. Уже к середине XIII в. поселение вокруг Канкова постепенно приобретает характерные черты города (Нариси..., 1993, с.67; Поп, Поп, 2005, с.52-53). Происходит и перестройка замка, особенно активно в период правления короля Андрея II (1205 - 1235 гг.) (Поп, 2006, с.137; Kovács, 1999, old.151).

В 1241 году, во время татаро - монгольского нашествия замок не был взят, но город Севлюш был уничтожен. С целью его восстановления венгерские короли приглашают для поселения немецких колонистов (Нариси..., 1993, с.55-56,58-60; Поп, 2006, с.136). Сюда прибывают фламандские и саксонские ремесленники и крестьяне. По грамоте 1262 г. венгерского короля Бейлы IV (1235 - 1270 гг.) и документам Стефана V (1270 - 1272 гг.) отдельные категории населения Севлюша получили широкий комплекс городских привилегий и прав “вольного королевского города” (“севлюшское право”). Они были подтверждены венгерскими королями в 1294, 1319 и 1329 годах (История..., 1982, с.187; Поп, 2006, с.327; Riskó, 2006, old.39). Данный факт отражён и в венгерской грамоте первой половины XIV в., по которой трансильванский город Кронштадт получил такие же права, какими пользовалось население Севлюша (Поп, Поп, 1971, с.72). Об этом же свидетельствует и награждение пяти мараморошских коронных городов подобными привилегиями в 1329 году (Riskó, 2006, old.39). Замок Канков, как и другие крепости региона, в этот период перестраивается. Татары во время очередного нашествия 1285 года не решились брать ни одну из них (Поп, Поп, 2005, с.52).

В 1307 году король Карл I Роберт (1301/1310 - 1342 гг.) передаёт севлюшский замок бихарскому магнату Б.Боршо (Бенедеку), который с 1308 года размещает здесь постоянный гарнизон и проводит полную реконструкцию оборонительных сооружений Канкова в течение 1307 - 1308 гг. (Keresztyèn, 2000, old.120). Исследователи отмечают частое использование в документах этого времени названия “севлюшский замок” (Kovács, 2004, old.11-12). Через несколько лет владелец Канкова Беке Боршо вместе со своим братом, палатином Копасом, вступает в коалицию магнатов, находящуюся в конфронтации с представителем новой династии, королём Карлом Робертом Анжуйским (1301/1310 – 1342 гг.) (История..., 1982, с.187). Как следствие, в 1317 году во время штурма королевскими войсками, замок разрушается (Поп, Поп, 1971, с.76; 2004, с.86; Riskó, 2006, old.39-40). Со временем, король приказывает восстановить Канков и дарит его королеве Марии, а Севлюш провозглашает в 1329 году коронным городом (Поп, Поп, 1971, с.71; Riskó, 2006, old.40). Защищённый замком, он становится важным торговым центром на “соляном пути”. XIV в. исследователи определяют возведение возле замка маленькой одноярусной каплички (Németh, 2002, old.121).

В 1399 году венгерский король Жигмонд (Сигизмунд) Люксембургский (1387 - 1437 гг.) в качестве бенефиция дарит город Севлюш вместе с замком барону Пейтеру Перени за его участие в битве с турками под Никополем в 1396 году,

одновременно назначая его королевским управляющим мараморошскими соляными шахтами (История..., 1982, с.187; Поп, Поп, 2004, с.86; Поп, 2006, с.136). Король Венгрии вместе с административно – правовыми функциями возлагал на магнатов обязанности по защите границ государства (Нариси..., 1993, с.55; Поп, Поп, 2004, с.87), поощряя реконструкцию разрушенных замков и постройку новых. Поэтому, в начале XV в. владелец замка барон Перени на месте старого замка возводит новые каменные стены. Однако, после построения нового родового дворца в г.Севлюш, барон Перени в конце XV в. передаёт замок монахам - францисканцам, превратившим его в монастырь (Поп, 2006, с.137). На территории замкового комплекса в начале XVI в. францисканцы построили костёл значительных размеров, в котором позднее был проведён съезд всего духовенства ордена (Riskó, 2006, old.36,41-49). Существует предположение, что именно от названия элемента одеяния монахов (капюшон - накидка “канко”) замок получил своё современное название “Канков” (Németh, 2002, old.120; Kovács, 2004, old.12).

Через несколько десятилетий, в период реформации, Перени Ференц стал протестантом и изгнал из своих владений всё католическое духовенство. В ходе этих событий (1556 год) Перени организовывает нападение на замок - монастырь, убивает большинство монахов и скидывает их тела вместе с мощами святого Яна Капистрана (сохранявшимися на Канкове со времён трагедии 1526 года под Мохачем) в замковый колодец. Против Перени послан отряд императорских войск под командованием Телекеша, который штурмом взял и разрушил укрепления в 1557 – 1558 гг. (Поп, Поп, 1971, с.77; Kovács, 2004, old.12-13), после чего замок уже не отстраивался.

Приведя короткую информацию о сложившейся в литературе канве исторического развития Виноградовского замка на протяжении семи столетий, рассмотрим моменты, которые нам представляются малореальными или в значительной степени дискуссионными. Так, дату основания замка или земляных укреплений исследователи вывели из сведений анонимного нотариуса короля Бейлы III (1172 – 1196 гг.), писавшего на рубеже XII – XIII вв. н.э.: “У 903 році після народження Господа військо Арпада захопило землі, разом із населеннями, між Тисою і Бодрогом, до самої Угочі” (Gesta hungarorum, 2005, с.28). Считаю неприемлемым оперировать указанным свидетельством в качестве первого упоминания Виноградовского замка. Во-первых, название Угоча нотариус не конкретизирует и применяет его не к замку, а для обозначения определённой территории. Это наоборот свидетельствует о том, что Анониму в конце XII в. н.э. замок Угоча известен не был. Во-вторых, из двух замков Закарпатья (Унг и Боршова), упоминаемых нотариусом Бейлы III при описании событий начала X в. н.э., существование первого даже в качестве городища этого времени находится под вопросом, а второе городище было возведено не ранее конца XI в. н.э. (Прохненко, 2006, с.186-200). Считаю ссылку исследователей на Анонима в данном случае ошибкой и отмечаю, что подобная вольная трактовка источника приводит к серьёзному искажению региональной исторической действительности.

Это касается и реконструкции жизнедеятельности на Виноградовском замке в последующих нескольких столетиях (до XIII в.), интуитивно восстановленной на основании якобы жёстко определённой изначальной даты.

Первые конкретные данные о Севлюше содержатся в грамотах XIII – XIV вв. Однако в них также нет упоминания замка, а затрагивается лишь город и привилегии определённой категории его жителей. Данный факт не позволяет привлекать их сведения для решения вопросов, связанных именно с замком.

При изложении дальнейшей истории Виноградовского замка исследователи, как правило, вообще забывают о существовании источников и не подтверждают свои построения документами, что создаёт ощущение не жёсткой исторической реконструкции, а комплекса интуитивных предположений. В сложившейся ситуации, как и со многими другими памятниками, наиболее простой путь решения проблемы – привлечение археологических данных, отображающих конкретные хронологические реалии.

С этой целью были заложены три шурфа (площадью 2 x 3 м) внутри замковой территории и один (2 x 2,5 м) - в капличке (рис.2).

Шурф 1 привязан к северо-западной стене внутреннего двора на верхнем ярусе замка. Ориентация траншеи – северо-запад – юго-восток. При её вскрытии зафиксирован следующий порядок залегания слоёв. Верхний, мощностью 0,2 м, составляла значительно утрамбованная серая глина, ниже которой находился слой (0,2 - 0,4 м) рассыпчатой земли коричневого цвета. Подстилающим его выступала прослойка жёлтой щебёнки, мощностью до 0,2 м, ниже её - слой аналогичной залегающей сверху глины коричневого цвета. У юго-восточной стенки шурфа с глубины 0,7 м зафиксированы завалы камней, перемешанных с известковым раствором и песком, толщиной 0,1 – 0,2 м. Слой камней под наклоном уходит к северо-западному профилю, к очагу, находящемуся под стеной, возле которой заложен шурф. В юго-восточной части траншеи, под завалом камней, на глубине 0,65 м обнаружена верхушка кладки, образующей угол каменного сооружения, выступающий в шурф на 1 м. Верх кладки и под очага фиксируют окончание слоя заваленных камней, а ниже находились слои тёмно-серой земли (от 0,7/0,85 до 1,1 м) и жёлтой вязкой глины (1,1 – 1,7 м). Последний залегает на скальном материке, на котором лежит основание стены в юго-восточной части шурфа.

Стратиграфические наблюдения в шурфе 1 в комплексе с анализом материала позволяют установить следующую последовательность заселения и застройки территории памятника. Над скальным материковым основанием находился безынвентарный слой вязкой жёлтой глины, выступающий основой горизонта эпохи поздней бронзы (культура Станово XIV – XII вв. до н.э.). Из сооружений этого времени отметим частично разрушенный очаг 1. Его комплекс составляла столовая и кухонная лепная посуда (рис.4, 38-43).

В становский культурный слой была врезана стена, прослеженная в юго-восточной части шурфа. Она выступает фундаментом сооружения, определяющего начало средневековой застройки памятника. Со временем стена была разрушена до фундамента, о чём свидетельствуют завалы камней (горизонт 3). Хронология данного события установлена на основании фрагментов поливной керамики и плитки (рис.4, 34, 36), обнаруженных в завалах. Появление поливной керамики на средневековых памятниках Верхнего Потисья определяется XV в., но наиболее широкое распространение она получила в XVI в. (Uličný, 2004, graf.7e). XVI в. на памятниках Виноградовщины (Королёвский замок) (см. ниже) датируются и плитки,

характеризующиеся стандартной толщиной и зелёным оттенком, что, скорее всего, свидетельствует об их производстве в одной и той же мастерской. Вышесказанное позволяет установить время разрушения стены первого средневекового строительного горизонта - XVI в.

Вероятно, сразу после разборки первичных каменных сооружений в ур. Канков был создан горизонт 2, определяемый выравниванием замковой площади после разрушения стен. Он образован путём подсыпки жёлтой щебёнки, вследствие чего была получена горизонтальная плоскость. К сожалению, средневековые материалы в данном горизонте не представлены. Инвентарь составляли мелкие обломки керамики культуры Станово (рис.4, 27-33).

После нивелирования поверхности на территории урочища выкопаны траншеи, однако не до скального основания, а лишь до уровня завалов камней и становского очага, забутованные камнями с раствором. В результате были созданы фундаменты для стен, сохранившихся до настоящего времени и, соответственно, определяющие последний строительный горизонт замка. В ходе выкапывания траншей был разрушен становский слой, а земля использовалась для подсыпки возле стен, что и определило значительное количество керамического материала эпохи поздней бронзы в двух верхних слоях шурфа (горизонт 1). Кроме фрагментов лепной керамики, с характерными для эпохи поздней бронзы формами и орнаментацией (рис.4, 4-20,23-26), в горизонте зафиксированы каменные отщепы (рис.4, 21-22). Средневековый материал представлен единичными находками (подковка, гвоздь, два фрагмента керамики, один из них венчик поливного сосуда).

Подобный характер насыщения горизонта не согласуется с утверждением об активной жизнедеятельности на замке и противоречит тезису о прекращении его функционирования в результате штурма. Как бы там ни было, но этот мизерный материал позволяет датировать последний этап функционирования замка. Аналогии средневековым горшкам данного горизонта широко представлены на памятниках Восточной Словакии, где датируются второй половиной XVI – началом XVII в. (Uličný, 2004, tab. XXIX, 7; XXXVI, 3,46; XXXVII, 1-4,7; XXXVIII, 3-5; XXXIX, 1,3-6; XL, 1-3,5,7).

Шурф 2 заложен на нижнем ярусе основного дворцового сооружения, в западном углу северного бастиона. Ориентация траншеи, как и предыдущей, северо-запад – юго-восток. В ходе вскрытия прослежены слои серой глины со щебнем и известью, щебёнки жёлтого цвета, камней со щебёнкой, глины коричневого цвета. Все слои рыхлые, а характер заполнения позволяет определить образование культурного слоя на данном участке сбрасыванием строительного мусора. Как и в шурфе 1, доминирующий материал составляла лепная керамика эпохи поздней бронзы (рис.5, 11-26). Средневековые находки представлены незначительным количеством обломков горшков, датируемых по аналогии XV в. н.э. (Uličný, 2004, tab. XVIII, 6-7), железными гвоздями и фрагментом обработанной каменной плитки (рис.5, 1-10а). Отдельно отмечаем каменный идол культуры Станово (рис.5, 27), испачканный известью, что свидетельствует об использовании его при возведении стен замка.

Для уточнения стратиграфической ситуации, прослеженной в шурфе 1, в 14 м на юго-восток от него, у противоположной стены внутреннего дворика, был заложен

шурф 3, так же ориентированный с северо-запада на юго-восток. Стратиграфическая картина подобна шурфу 1. До глубины 0,6 – 0,7 м залегал слой серой глины с отходами извести и штукатурки. В его заполнении, за исключением фрагмента дна поливного средневекового горшка (рис.6, 1), находилась лепная керамика культуры Станово (рис.6, 2-16). Практически по всей площади шурфа слой подстилали завалы камней, мощностью 0,3 м. Глубже залегал слой тёмно-серой глины (культурный слой эпохи поздней бронзы), с аналогичным верхнему горизонту керамическим материалом (рис.6, 22-36). Из становских объектов здесь обнаружена яма грушевидной формы, в заполнении которой находилась сильно утрамбованная глина тёмно-серого цвета со значительным содержанием лепной керамики (рис.6, 40-54).

С целью уточнения хронологии средневекового горизонта памятника, был заложен шурф 4 в западном углу каплички, находящейся в 30 м на северо-запад от основного замкового сооружения. Особенностью каплички, при её незначительной площади, является фундамент квадратной формы, ширина стены которого превышает 3,5 м. В ходе вскрытия шурфа прослежена следующая стратиграфическая ситуация. Верхний слой, в отдельных местах до глубины 1 м, является современным перекопом. Ниже его, до 2,9 м, по всей площади шурфа зафиксированы завалы больших андезитовых камней и штукатурки. Встречались и фрагменты разрушенных и сваленных в середину постройки стен. Подстилающим выступал слой гумусированной глины с незначительным включением керамического материала (рис.8, 1-5).

Прослеженная ситуация позволяет сделать вывод, что капличка была возведена на месте частично разрушенной башни, в ходе разборки стен которой была забутована камнями её внутренняя часть. В результате был перекрыт слой, определяющий время закладки башни. Фрагменты обнаруженных горшков имеют аналогии на памятниках Восточной Словакии, где датируются концом XIII - началом XIV в. н.э. (Uličný, 2004, tab. VII, 2; VIII, 11; XIV, 3; XV, 10). Данный факт позволяет этим временем датировать начало строительства оборонительных сооружений в урочище Канков.

Отдельно отмечаем шурф в западной части костёла. Его заполнение составляли несколько фрагментов поливной керамики и строительный мусор, перемешанный с фрагментами разрушенных человеческих костяков, находящихся на глубине от 0,1 м до 2 м. Характер слоя не позволяет установить дату возведения костёла и рассмотреть стратиграфию памятника на данном участке.

Анализ материалов, полученных в ходе археологического исследования Виноградовского замка, стал основой для установления следующей стратиграфической картины. Первоначальное заселение урочища датируется XIV – XII вв. до н.э. и связывается с носителями культуры Станово. Местоположение памятника на возвышенности даёт возможность определить его как пункт, естественно укрепленный склонами горы. Установить наличие конкретных фортификационных сооружений эпохи поздней бронзы на данный момент не представляется возможным из-за разрушения памятника в ходе средневековых строительных работ.

Время создания системы каменных укреплений, то есть возникновения замка, по материалам шурфа 4, определяется рубежом XIII – XIV вв. н.э., что не совпадает с принятой в историографии более ранней датой. На отсутствие аргументации при её выведении мы обращали внимание выше. Определённая на основании жёсткого археологического материала дата возникновения замка согласуется с исторической ситуацией в Европе, где массовое возникновение средневековых крепостей датируется XIII в. н.э. (Slivka, Vallašek, 1991). Данный процесс был не случаен и закономерно связывается с периодом после основной волны татаро - монгольского нашествия. Бесспорно, что для возведения сети замков необходимо было существование мощного государственного института и значительное вложение средств, что на периферии Венгерского королевства в условиях разрухи после нашествия татаро - монголов было невозможно до конца XIII в. н.э.

Установив дату возникновения замка, необходимо отметить, что средневековые горизонты на памятнике слабонасыщены. Данный факт свидетельствует о незначительном процессе жизнедеятельности в это время.

Перестройка фортификационных сооружений была осуществлена в XVI в. н.э., однако жизнедеятельность на памятнике и в этот период не отличалась активностью. Возможно, данный факт объясняется функционированием замка не как классического места проживания феодалов, а в качестве монастыря. Также не можем согласиться с мнением о гибели замка в результате штурма, не находящим подтверждения в археологических материалах.

Второй из исследованных нами замков (Королёвский) расположен в ур.Нялаб на западной окраине пос. Королёво Виноградовского района. Занимает он вершину крутой горы (высота 52 м). В плане трапецевидной формы, площадь 52 x 47 м. Основные укрепления состоят из двух параллельно идущих стен. Посредине внутреннего двора расположен колодец. В 30 м от основного замкового сооружения проходила ещё одна оборонительная линия, представленная постройкой прямоугольной формы. В юго-восточной части вершины горы возведён сторожевой бастион подтреугольной формы, размером 10,15 x 9,65 м.

Королёвскому замку, как и Виноградовскому, уделено значительное внимание в научной литературе. Коротко перечислим описанные события, связанные с историей данного памятника. Впервые местность под названием Нялаб упоминается в грамоте XII в. н.э., согласно которой венгерский король в своих угодиях, на замковой горе, приказал построить деревянный охотничий домик (Поп, Поп, 1971, с.78-79). С этого момента расположенное рядом поселение получило название Киральхаза – дом короля. По мнению исследователей, постройка носила функцию местопребывания высшей венгерской знати в охотничий сезон (Сова, 1961, с.16).

После татаро - монгольского нашествия венгерский король Бейла IV (1235 – 1270 гг.) поручает охрану приграничных областей отдельным магнатам и приглашает в местность Киральхаза колонистов. Королевская грамота 1242 года свидетельствует о принадлежности территории коронным землевладениям (Хланта, 1995, с.16). В 1262 году письменные источники указывают на поселение Киральхаза как на королевскую собственность – место охоты на зубров (Поп, 2006, с.223), а с 1272 года король Ласло IV (“Кун”, 1272 – 1290 гг.) своей грамотой разрешает на этой территории заниматься охотой и немецким колонистам (История..., 1982,

с.208). Со временем здесь организовывается королевское лесное управление Угочанского комитата (жупы) (Németh, 2002, old.132). С середины XIII века, при Ласло IV, дом короля на горе Нялаб постепенно укрепляется и становится замком (Kovács, 1999, old.147). В 1279 году в венгерских грамотах появляется первое упоминание о Нялабском замке. В конце XIII века замок меняет функциональное назначение и из крепости на “соляном пути” становится резиденцией местного магната (Поп, Поп, 1971, с.78). Во второй половине XIII – первой половине XIV в. Нялаб часто меняет хозяев (Ozsváth, 1995, old.8-9).

В начале XIV в. н.э. владелец замка принял активное участие во фронде против венгерского короля Карла Роберта Анжуйского (1301/1310 – 1342 гг.), предоставив убежище опальному магнату Боршо с Севлюша. Войско короля взяло замок в осаду и захватило его в 1312 году (Kovács, 1999, old.147). После захвата замка Карл Роберт приказал отстроить разрушенные фортификационные сооружения. С этой целью король пригласил группу итальянских архитекторов под руководством А.Фиоравенти (Поп, Поп, 2004, с.94). Со временем замок становится центром доминии Нялаб, которая передаётся в 1378 году венгерским королём Лайошем I Великим (1342 – 1382 гг.) на правах ленного владения волошскому воеводе Драге (История..., 1982, с.208; Поп, 2006, с.223). Драга проводит на Нялабском замке реконструкцию фортификационной системы (Németh, 2002, old.132). В результате дворцовых закулисных игр, в 1405 году за заслуги перед венгерской короной Нялабский замок получил магнат Перени. Предыдущие владельцы замка и его округи, волошские магнаты, не смирились с потерей собственности и совершали постоянные нападения на владения Перени в соседнем Севлюше (Поп, Поп, 2002, с.95). Магнаты Перени также промышляли разбоем. Об их не совсем цивилизованном отношении к торговым караванам свидетельствуют многочисленные жалобы купцов королю Уласло II Ягеллону (1490 – 1516 гг.) (Ozsváth, 1995, old.11). С помощью королевских войск, при участии князя Фёдора Корятовича, магнаты Перени смогли реализовать своё право на владение Нялабом. Постоянные столкновения с соседними волошскими феодалами заставляют потомков Перени в XV в. реконструировать замок Нялаб и усилить его дополнительными оборонительными сооружениями. В это время перестраивается дозорная башня в южной части вершины замковой горы (Поп, Поп, 1971, с.78). Одновременно строится замковая капличка, в которой завещал похоронить себя после смерти венгерский король Уласло II Ягеллон (Ozsváth, 1995, old.12-13).

Потомки волошских магнатов Драги не смирились с потерей замка Нялаб и начали судовую тяжбу с баронами Перени, длившуюся почти столетие (Kovács, 2004, old.8-9). В итоге, решение суда в пользу последних было подтверждено королевской грамотой, окончательно закрепившей замок Нялаб за магнатами Перени (Поп, Поп, 1971, с.78). На особенную роль замка в Карпатском ареале в конце XV - начале XVI вв. указывает тот факт, что в это время в крепости Нялаб периодически проводятся собрания немешей (Ozsváth, 1995, old.9).

В 1511 году магнат Перени присоединяет к своим владениям в Нялабе и Севлюше замок Хуст с мараморошскими соляными копиями, полученными в качестве заставы от короля Уласло II Ягеллона (Ozsváth, 1995, old.11). В 1514 году, во время восстания куруци во главе с Д.Дожей, толпа недовольных жителей

окрестных поселений безрезультатно пыталась захватить Нялаб (Fakász, 2006, old.37). Но, после выступления Габора Перени во главе гарнизона Хустского замка на помощь осаждённому Нялабу, повстанцы уничтожили хозяйственные постройки вокруг крепости и отступили (Поп, Поп, 1971, с.78). В 1526 году в битве под Мохачем погиб Габор Перени – правая рука венгерского короля Лайоша II Ягеллона (1516 – 1526 гг.) и замок перешёл в собственность его вдовы – Екатерины Франгепан. Определённое время в крепости хранилась корона “короля” – князя Трансильвании Яноша Запольяи (1526/1528 – 1541 гг.), что свидетельствует о потенциале фортификационной системы замка Нялаб (Ozsváth, 1995, old.14). Став убежищем магнатской семьи, крепость начала выполнять и функции культурного центра. Так, последователем Эразма Роттердамского, семейным каноником владелицы замка Бенедиктом Комяти, тут был сделан первый перевод “Нового Завета” с латыни на венгерский язык. Изданный в 1533 году в Кракове, он стал первой печатной венгерской книгой (Ozsváth, 1995, old.9-10).

В XVII в., после очередного выступления против Габсбургов магнатов Франгепанов, приходящихся близкими родственниками владельцам замка, императорское войско захватывает замок. В 1661 году крымская орда грабила Киральхазу, но замок не штурмовала (История..., 1982, с.208). Позднее, после не выясненного до конца факта участия Перени в заговоре Зрини, в 1672 году по приказу императора Леопольда I (1655 – 1687 гг.) замок Нялаб был разрушен (Поп, Поп, 1971, с.79) и больше не отстраивался.

Несмотря на довольно насыщенную историю замка, археологически он до настоящего времени не исследовался. Для приобретения конкретных данных о стратиграфии памятника нами заложены два шурфа, размерами 3 x 2 м. Один – на территории основного замкового сооружения, возле его юго-восточной стены, второй – в ложбине на дороге за пределами укреплений.

Шурф 1. Ориентирован с юго-запада на северо-восток. С трёх сторон ограничен каменными стенами. Верхний слой (0 – 0,7 м) – тёмно-серая глина со значительным количеством костей и керамики. Среди последней отметим фрагмент боковой части уникальной для региона средневековой посуды - стакана с глубины 0,4 м с одним целым и одним обломанным ушками – ручками, над которыми идёт горизонтальный ряд мелких зашипов. Тесто хорошо отмучено, обожжено до звенящего состояния. Поверхность бордового цвета, равномерно покрыта “бородавками” (рис.11, 33). В средневековых керамических комплексах Европы подобные высококачественные стаканы и кубки занимают особое место. Изготовлены они, согласно картографированию находок из около 100 пунктов, на Мораве, предположительно в Лоштицах (округ Оломоуц) (Drobná, 1957, s.98-107; Nekuda, Reichertová, 1968, s.150; Obr.48) или в их ближайшей округе (Polla, 1986, s.232). В.Гошем и Я.Новаком эта территория определена как североморавский керамический производственный район (Goš, Novák, 1978, s.399-404). Керамика характеризуется обжигом до звенящего состояния, в результате которого приобретался красно – бордовый цвет, и равномерным покрытием “бородавками”, создающими шершавую поверхность. Её специфика определяется составом хорошо отмученного теста, состоящего из глины со значительными железистыми включениями, которые при высокой температуре превращались в полые

пупырышки. Начало производства лоштицкой керамики относится к XIV в. (Nekuda, Reichertová, 1968, s.151).

Отдельную группу посуды типа Лоштице составляют подобные нашему стаканы с прямым высоким венчиком с волнистой поверхностью и ушками - ручками, имевшими исключительно декоративную функцию. Количество ручек колеблется от трёх до семнадцати. Время изготовления стаканов этого типа исследователи определяют второй половиной XV в., а их импорт связывают с именем венгерского короля Матяша Корвина, владевшего Моравией до 1490 г. (Nekuda, Reichertová, 1968, s.153). Использование лоштицкой керамики на Мораве продолжалось и в XVI в., о чём свидетельствуют постановление совета города Норимберга в 1530 г. и употребление в медицинской терминологии этого столетия названия “лоштицкий вид” для обозначения определённого кожного заболевания. Лоштицкие стаканы к концу средневековья, из-за своей особенной формы, стали предметом коллекционирования и реликвиями дворянских фамилий, а высокое качество данной керамики объясняет сохранение большинства экземпляров до настоящего времени (Nekuda, Reichertová, 1968, s.154).

На территории Верхнего Потисья известны лишь единичные находки лоштицкой керамики с западной части региона (Красна над Горнадом, Шаришский град, Бардеёв). Отметим, что среди них не представлен ни один экземпляр стаканов с ушками – ручками. Известные фрагменты датированы XV – первой третью XVI в. (Čaplovič, Slivka, 1985, s.49; Obr.1, 1,4; Uličný, 2004, s.75; tab.XXXI, 5-6,8-9). Они классифицируются как импорт, так как все исследователи однозначно сходятся во мнении не только о месте изготовления данного типа керамики, но и о том, что за пределами Моравии она всегда привозная (Polla, 1986, s.230,232). Б.Полла отметил, что на момент публикации его монографии, фрагменты с указанных пунктов выступали самыми восточными экземплярами (Polla, 1986, s.230,232). Исследователь связывает восточнословацкие находки с торговыми связями с Моравией, установленными в XV в.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о связях населения восточной части Верхнего Потисья с Моравией в XV - начале XVI в. и на данный момент определить крайнюю границу распространения моравской керамики в восточном направлении - Королёвским замком. Это позволяет значительно расширить (на 160 км) ареал распространения моравского импорта. Кроме того, королёвские находки ещё раз подтверждают вывод словацких исследователей (Б.Полла, М.Сливка) о наличии керамики типа Лоштице исключительно в пунктах, принадлежавших феодалам высшего ранга (Polla, 1986, s.232).

С глубины 0,7 и до 1,1 м зафиксирован слой чёрной гумусированной земли, насыщенный инвентарём, в том числе целый сосуд (рис.12-37) и вооружение (наконечники арбалетных стрел со следами использования) (рис.13, 31-32, 61), что позволяет связать образование слоя со штурмом замка. Отметим наличие среди керамики фрагмента импортного сосуда, аналогичного найденному на глубине 0,4 м. Это обломок стакана с прямым высоким венчиком, орнаментированным пятью горизонтальными желобками, и десятью ушками - ручками в месте наибольшего расширения тулова, где просматриваются ещё два желобка. Выше ручек стакан украшен рядом насечек. Диаметр венчика 6,7 см. Тесто хорошо отмучено, обожжено

до звенящего состояния. Поверхность бордового цвета, равномерно покрыта “бородавками” (рис.13, 1). Глубина залегания фрагмента (0,7 м) определяет верхнюю границу слоя. Инвентарная коллекция слоя датируется XV – первой половиной XVI в. Стратиграфические наблюдения позволяют ограничить датировку интересующего нас слоя, а, соответственно, и фрагмента лоштицкой керамики, второй половиной XV – началом XVI в., что согласуется со временем существования находок типа Лоштице на территории Чехии, Венгрии и Словакии.

Ниже слоя уничтожения, до глубины 1,8/2,1 м, залегает слой жёлтой глины со строительным мусором. В нижней части слоя (глубина 2,05 м), на стыке с завалами кирпича и обмазки, обнаружена монета. Определение нумизматических материалов замков проведено доктором Е.Колниковой (Институт Археологии Словацкой академии наук, г.Нитра). Данный экземпляр - венгерская монета Альберта (1437 – 1439 гг.) (Unger, 1980, 462). Она определяет время засыпки строительными отходами площади между двумя возведёнными каменными стенами. Ниже слоя кирпичей находятся завалы больших андезитовых камней, булыжников, среди которых попадаются фрагменты оформления интерьера – обтёсанные камни (рис.15, 55). Они свидетельствуют о том, что мусор ссыпался в ходе перестройки замка, а не во время первичного создания каменных фортификаций. Среди инвентаря, обнаруженного в завалах камней, отдельно выделяем фрагмент венчика сосуда с глубины 2,4 м. Изготовлен он из хорошо отмученного теста со значительной примесью графита. Диаметр венчика – 32 см (рис.15, 56). Средневековая графитовая керамика, хорошо представленная в комплексах на территории Чехии и Северо – Западной Словакии, известная в Восточной Словакии по единичным фрагментарным находкам, в Закарпатье до настоящего времени не фиксировалась.

Шурф 2. Ориентирован с юго-востока на северо-запад. В ходе его вскрытия зафиксировано три слоя. Верхний – тёмно-серая гумусированная глина, под ним – глина коричневого цвета. В восточном углу шурфа, над материком прослежен слой галечной подсыпки. В заполнении шурфа кости и гончарная керамика. Отметим, что по профилировке венчика отдельные сосуды нижнего слоя подобны поздним формам средневековой керамики Малокопаньского городища (Котигорошко, Прохненко, 2007, рис.3; 5). Возможно, именно на Малой Копане изначально планировалось возведение замка с использованием, сохранившейся наявной мощной дакийской фортификации (валы, рвы, эскарпы). Однако, после неудачной попытки решить проблему с источником огромного количества воды, необходимой для постройки каменных стен (раскоп XXXI – “колодец”) решение было изменено и выбрано расположенное сразу за р.Тисой ур.Нялаб. Отметим находки двух венгерских монет. Первая с глубины 1,3 м – номинал Фердинанда I (1526 – 1564 гг.), монетный двор - Кремница, денар 1553 г. (Huszar, 1979, 935; Unger, 1980, 744). Вторая монета с глубины 1 м – номинал Максимилиана II (1564 – 1577 гг.), монетный двор - Кремница, денар 1577 г. (Huszar, 1979, 993; Unger, 1980, 767).

Среди подъёмного материала с урочища Нялаб отметим фрагмент венгерской монеты Матяя Корвина (1458 – 1490 гг.), монетный двор - Нодь Баня = Бая Маре, денар 1482 – 1490 гг. (Huszar, 1979, 720). Возможно, с Королёвского замка происходит и находка, определённая как венгерский меч XIV в. н.э., находящийся в экспозиции Музея вооружённых сил Украины (г.Киев).

Археологические исследования двух замков, расположенных в Виноградовском районе Закарпатской обл. Украины позволили уточнить, а в отдельных моментах и опровергнуть устоявшиеся в научной литературе положения. На конкретном вещевом материале предложена новая хронологическая схема исторического развития двух опорных памятников регионального средневековья. Из дозамкового материала в урочище Канков фиксируем мощный слой эпохи поздней бронзы (культура Станово XIV – XII вв. до н.э.), не отмеченный в научной литературе, как нереальные определяем утверждения о наличии на замковой горе древнерусского горизонта X – XI вв. н.э. Возведение каменных фортификаций датируем концом XIII - началом XIV вв. н.э., подчёркиваем, что ни на Виноградовском, ни на Королёвском замке в XIV в. н.э. не фиксируется интенсивный процесс жизнедеятельности и культурный горизонт этого времени представлен незначительным количеством керамики. Перестраивания замков фиксируются: для Королёвского в середине XV в. н.э., Виноградовского – в конце XV - начале XVI в. н.э. После реконструкции укреплений Королёва формируется мощный культурный слой, свидетельствующий об интенсивном процессе жизнедеятельности, а на Виноградовском замке средневековый культурный слой представлен мизерным фрагментарным материалом, единственным объяснением чему может быть функциональная нагрузка памятника - использование его в качестве монастыря. Не подтвердились утверждения о постоянных осадах и штурмах Виноградовского замка. В Королёво штурм замка фиксируется в рамках XVI в. н.э., однако, вопрос об его успешности остаётся открытым. Активная жизнедеятельность на Нялабе длилась, как минимум, до начала XVII в. н.э.

В заключении отметим, что полученные археологической экспедицией УжНУ материалы по истории двух замков Закарпатья значительно уточняют и дополняют данные о региональном средневековье, однако для получения его целостной картины необходимо широкомасштабное целенаправленное изучение синхронных памятников Верхнего Потисья.

Прохненко І.А., Гомоляк О.М., Мойжес В.В. (м.Ужгород)

Результати дослідження Виноградівського і Королівського замків у 2007 році (Резюме)

Матеріал, набутий під час археологічних розвідок на замках Виноградівського району (речовий і дані стратиграфії), дозволив уточнити усталену в науковій літературі хронологічну схему історичного розвитку пам'яток. З дозамкового матеріалу в Виноградіві фіксуємо міцний шар епохи пізньої бронзи (культура Станово XIV – XII ст. до н.е.), у науковій літературі не відмічений. Як нереальні визначаємо твердження про наявність на замковій горі давньоруського горизонту (X – XI ст. н.е.). Зведення кам'яних фортифікацій датуємо кінцем XIII – початком XIV ст. н.е. Підкреслюємо, що ні на Виноградівському, ні на Королівському замку в XIV ст. н.е. не фіксується інтенсивний процес життєдіяльності. Реконструкції фортифікаційних споруд в Королеві датуються серединою XV ст. н.е., у Виноградіві – кінцем XV – XVI ст. н.е. Після перебудови укріплень в Королеві

формується потужний культурний шар, який свідчить про інтенсивний процес життєдіяльності. На Виноградівському замку середньовічний горизонт представлений мізерним фрагментарним матеріалом, єдиним поясненням чого може бути функціональне навантаження пам'ятки – використання його в якості монастиря. Не підтвердились твердження про постійні штурми Виноградівського замку. У Королеві штурм замку фіксується в межах XVI ст. н.е., а активна життєдіяльність на Нялабі продовжувалась щонайменше до початку XVII ст. н.е.

Prohnenko I.A., Homolyak O.M., Moyzhes V.V. (Uzhgorod)
The Results of Research of Vynogradiv and Korolevo Castles in 2007
(Summary)

The materials (findings and stratigraphics) received as a result of archeological investigation of the castles of Vynogradovo district allowed to precise chronological scheme of the monuments historical development, which was common for scientific literature. Among pre-castle materials of Vynogradiv, the high layer of the late bronze period (Stanovo culture of XIV - XII BC), which had not been described in scientific literature, was discovered; the statements about ancient Rus layer (X - XI AD) on the castle hill have been defined as unrealistic. Construction of stone-made fortification was dated by the end of XIII – beginning of XIV AD. It is worth to highlight that intense vital activity in XIV AD was not traced neither in Vynogradiv, nor in Korolevo castles. Reconstruction of the fortifications in Korolevo were dated by the mid of XV AD and in Vynogradiv by the end of XV – beginning of XVI AD. High cultural layer formed in Korolevo after renovation, which proves intense vital activity, although the medieval layer in Vynogradiv is represented by rare material findings, which can be only explained by the functional utilization of the monument – as a monastery. The statements about regular assaults of Vynogradiv castle were not proven. An assault of Korolevo castle was dated by XVI AD; and intense vital activity lasted there at least till the beginning of XVII AD.

Литература

Бернякович К.В. Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР) // SA. – 1957. – V. – 2. – С.435-455.

Гомоляк Е.М. Замки Закарпаття (бібліографія) // Carpatica – Карпатика. Давня та середньовічна історія Карпато – Дунайського ареалу. – Ужгород, 2006. – Вип.34. – С.229-240.

Дзембас О.В. Хронологічні горизонти та етапи забудови Невицького замку // Carpatica – Карпатика. Давня історія України і суміжних регіонів. – Ужгород, 2001. – Вип.13. – С.249-257.

Дзембас О., Кобаль Й. Невицький замок. – Ужгород, 2005.

История городов и сёл Украинской ССР. Закарпатская область. - К., 1982.

Котигорошко В.Г., Прохненко И.А. Исследование городищ Закарпаття в 2006 г. / Отчёт о полевых исследованиях. – Ужгород, 2007.

- Нариси історії Закарпаття. - Ужгород, 1993. – Т.1.
- Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. - Ужгород, 2001.
- Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. - Ужгород, 2006.
- Поп И.И., Поп Д.И. В горах и долинах Закарпаття. - М., 1971.
- Поп Д., Поп И. Замки Подкарпатской Руси. - Ужгород, 2004.
- Поп Д., Поп І. Історія Подкарпатської Руси. - Ужгород, 2005.
- Прохненко І.А. Боржавське городище // *Carpatica – Карпатика. Давня та середньовічна історія Карпато – Дунайського ареалу.* – Ужгород, 2006. – Вип.34. – С.186-200.
- Сова П. Архитектурные памятники Закарпаття. – Ужгород, 1961.
- Хланта І. Свідки минулих століть // *Закарпатські замки у легендах, переказах та літературних творах.* – Ужгород, 1995.
- Čaplovič D., Slivka M. Stredoveká importovaná keramika na Východnom Slovensku // *Archeologické rozhledy.* – Praha, 1985. – XXXVII. – 1. – S.49-57.
- Drobná Z. Loštické poháry. K otázce jejich datování a slohového zařazení // *Český Lid.* – 1957. – 44. – S.98-107.
- Fakász M. Sasfészek a Latorca völgyében. - Ungvár, 2006.
- Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини. - Ужгород, 2005.
- Goš V., Novák J. Počátky výroby loštické keramiky // *Archeologické rozhledy.* – Praha, 1978. – XXVIII. – 5. – S.399-404.
- Huszar L. Munzkatalog Ungarn von 1000 bis Heute. – Budapest, 1979.
- Keresztyén B. A Perényiek és báró Perényi Zsigmond élete, emléke Ugocsában. - Ungvár, 2000.
- Kovács S. Kárpátaljai utravalo. - Budapest, 1999.
- Kovács S. Bus dűlédekeiden. Kárpátalja középkori vérépítészeti emlékei. - Budapest, 2004.
- Nekuda V., Reichertová K. Středověká keramika v Čechách a na Moravě. – Brno, 1968.
- Németh A. Kárpátalja. - Győr, 2002.
- Ozsváth L. Királyháza korok váltóin. - Ungvár - Budapest, 1995.
- Polla B. Košice Krásna. K stredovekým dejinám Krásnej nad Hornádom. – Košice, 1986.
- Rappoport P.A. Kárpátaljai középkori várak // *AE.* – 1965. – köt.92. – 1. – Old.61-66.
- Riskó M. Ferencesek Nagyszőlősen. - Ungvár, 2006.
- Slivka M., Vallašek A. Hrady a hrádky na Východnom Slovensku. – Košice, 1991.
- Uličný M. Premeny východoslovenskej keramiky v 13. – 17. storočí [na poklade analýzy keramického fondu z hradu Šariš] / *Dizertačná práca.* – Prešov, 2004.
- Unger E. Magyar eremhataroso. – Budapest, 1980.

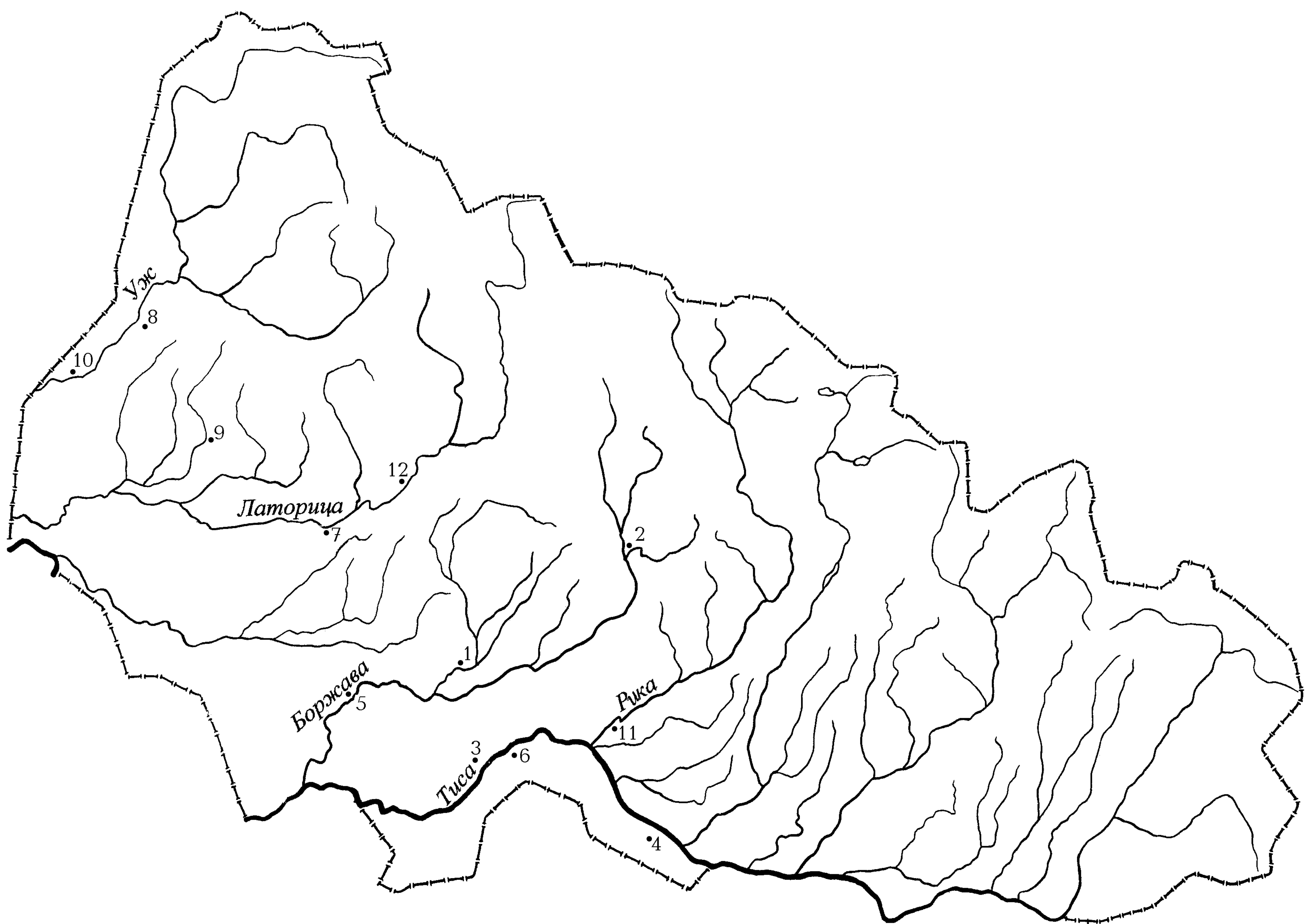

Рис.1. Карта расположения замков на территории Закарпатской обл. Украины. 1. Бодулив (Сильце); 2. Бронька; 3. Виноградово; 4. Вышково (?); 5. Квасово; 6. Королёво; 7. Мукачево; 8. Невицкое; 9. Среднее; 10. Ужгород; 11. Хуст; 12. Чинадиево.

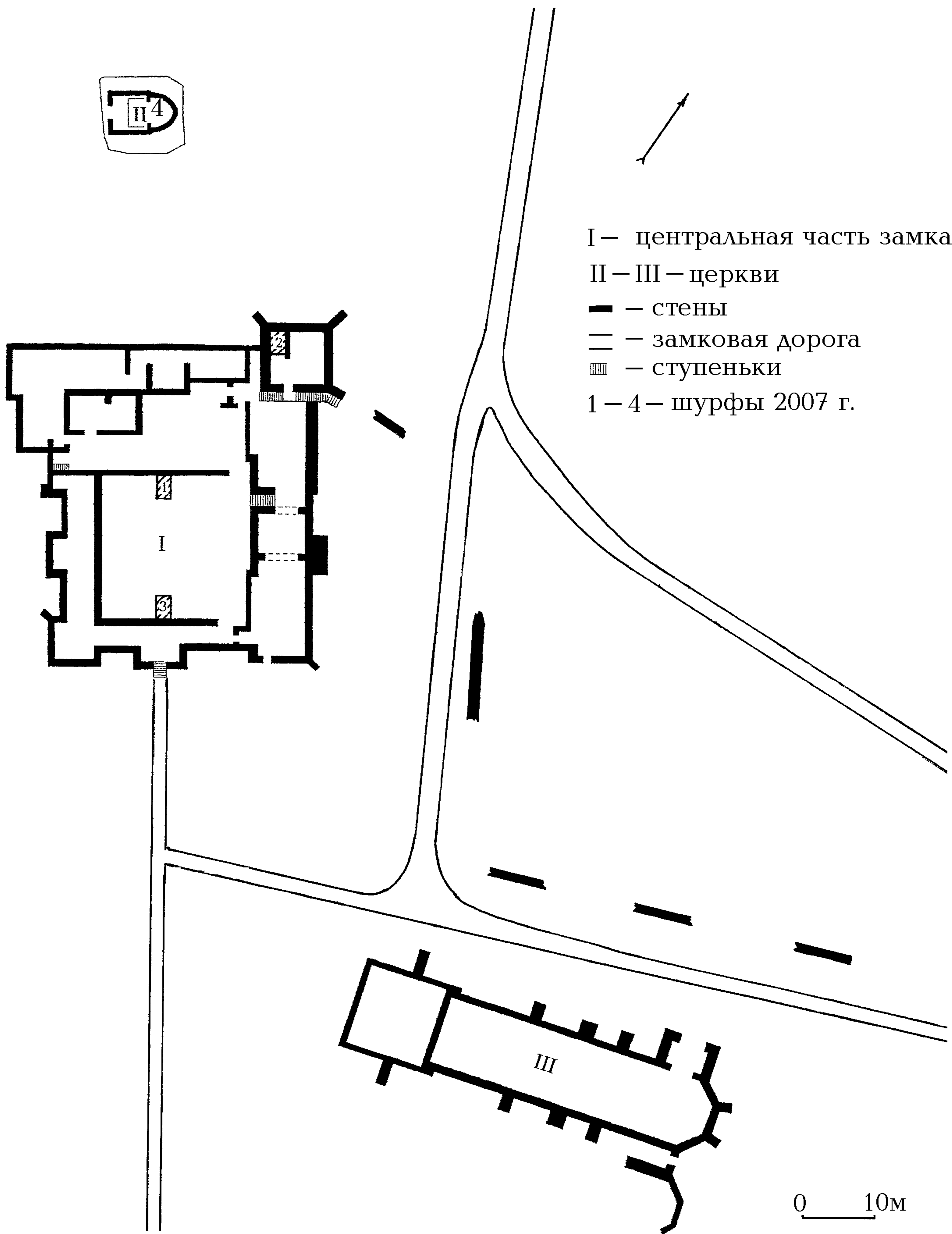

Рис.2. Виноградово (ур.Канков). План расположения замка.

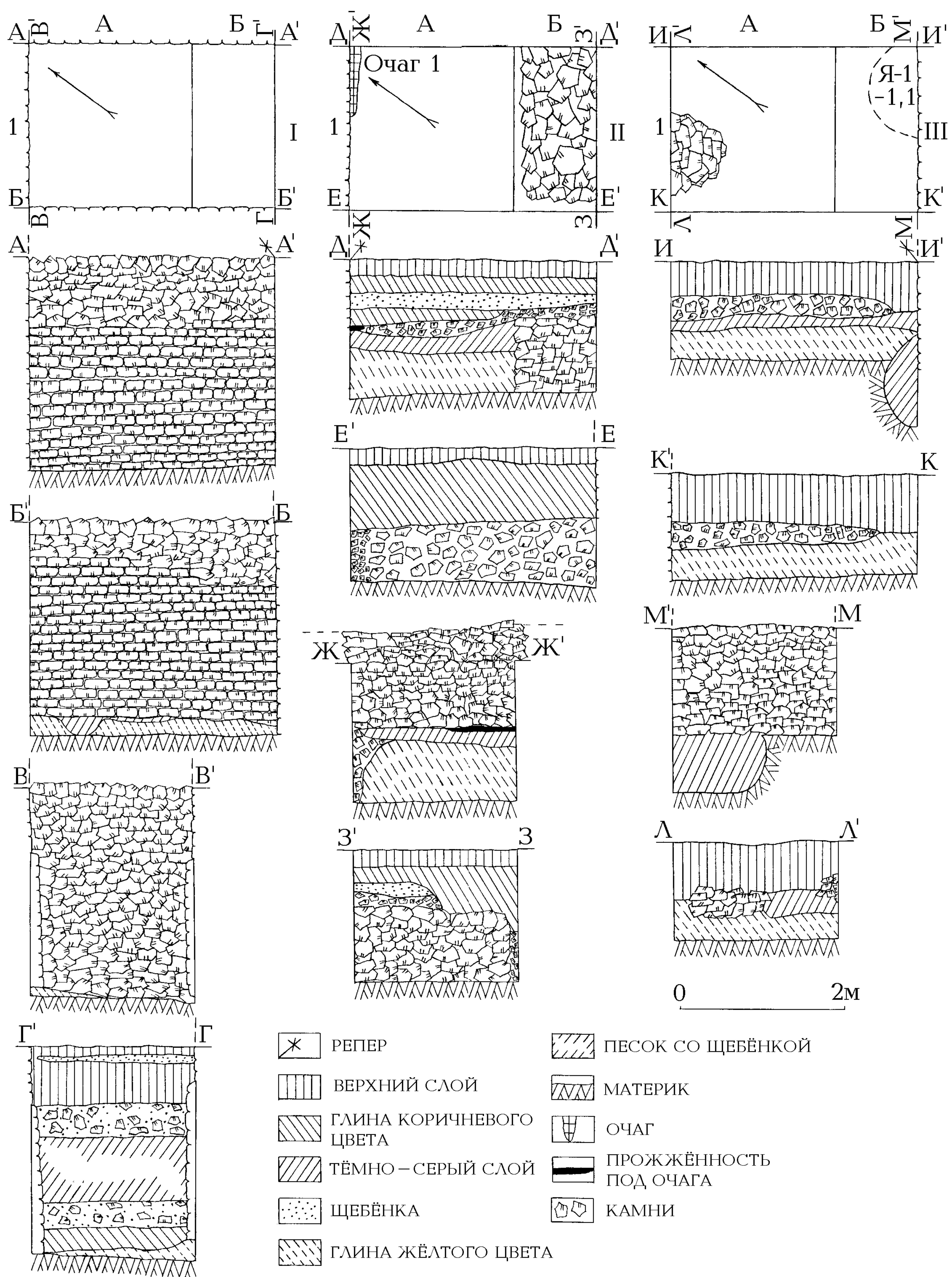

Рис.3. Виноградово (ур.Канков). Планы и разрезы шурфов 1 – 3. I – шурф 2; II – шурф 1; III – шурф 3.

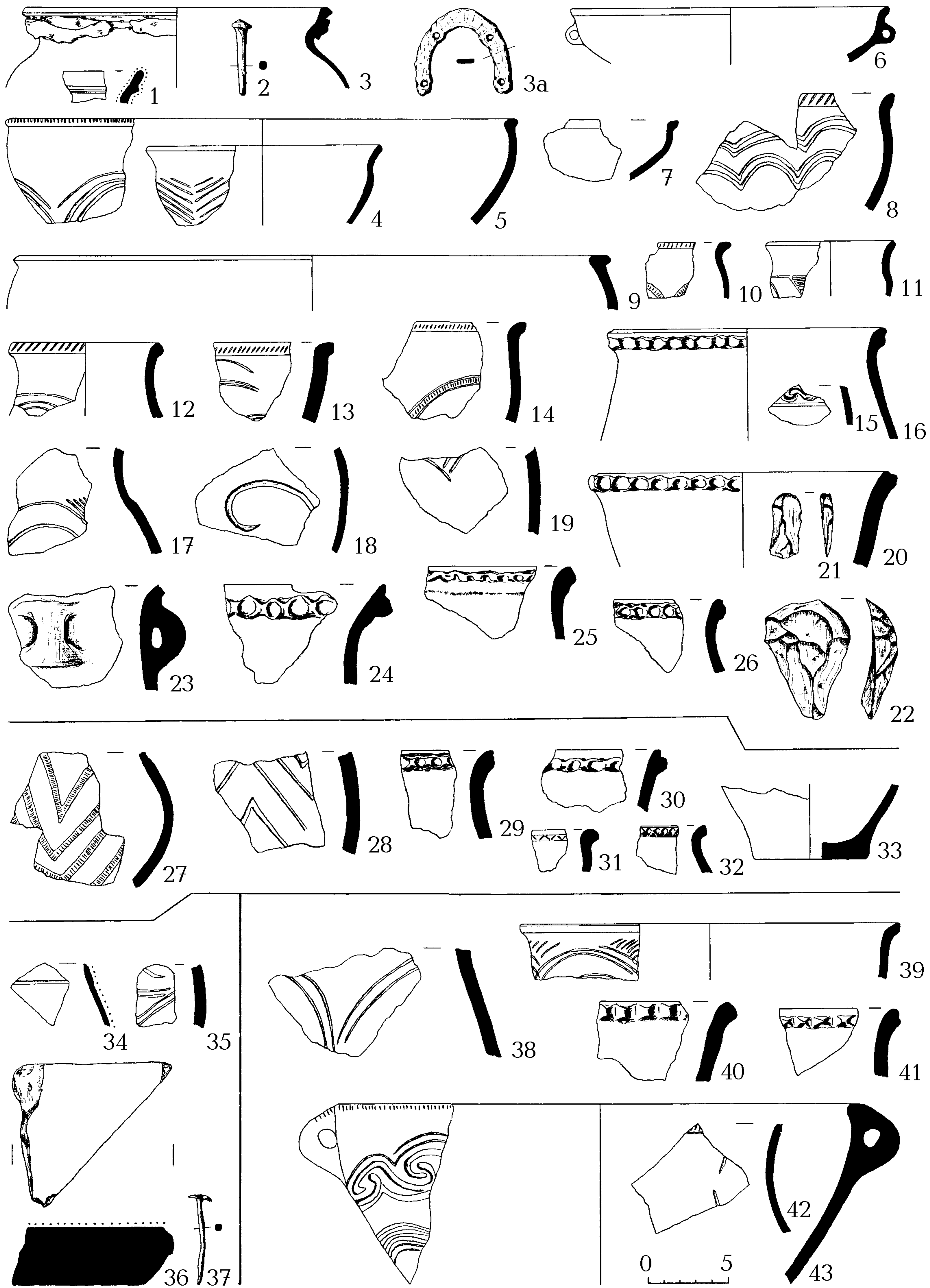

Рис.4. Виноградово (ур.Канков). Инвентарь шурфа 1. 1 – 26 – горизонт 1, 27 – 33 – горизонт 2, 34 – 37 – горизонт 3, 38 – 43 – очаг 1.

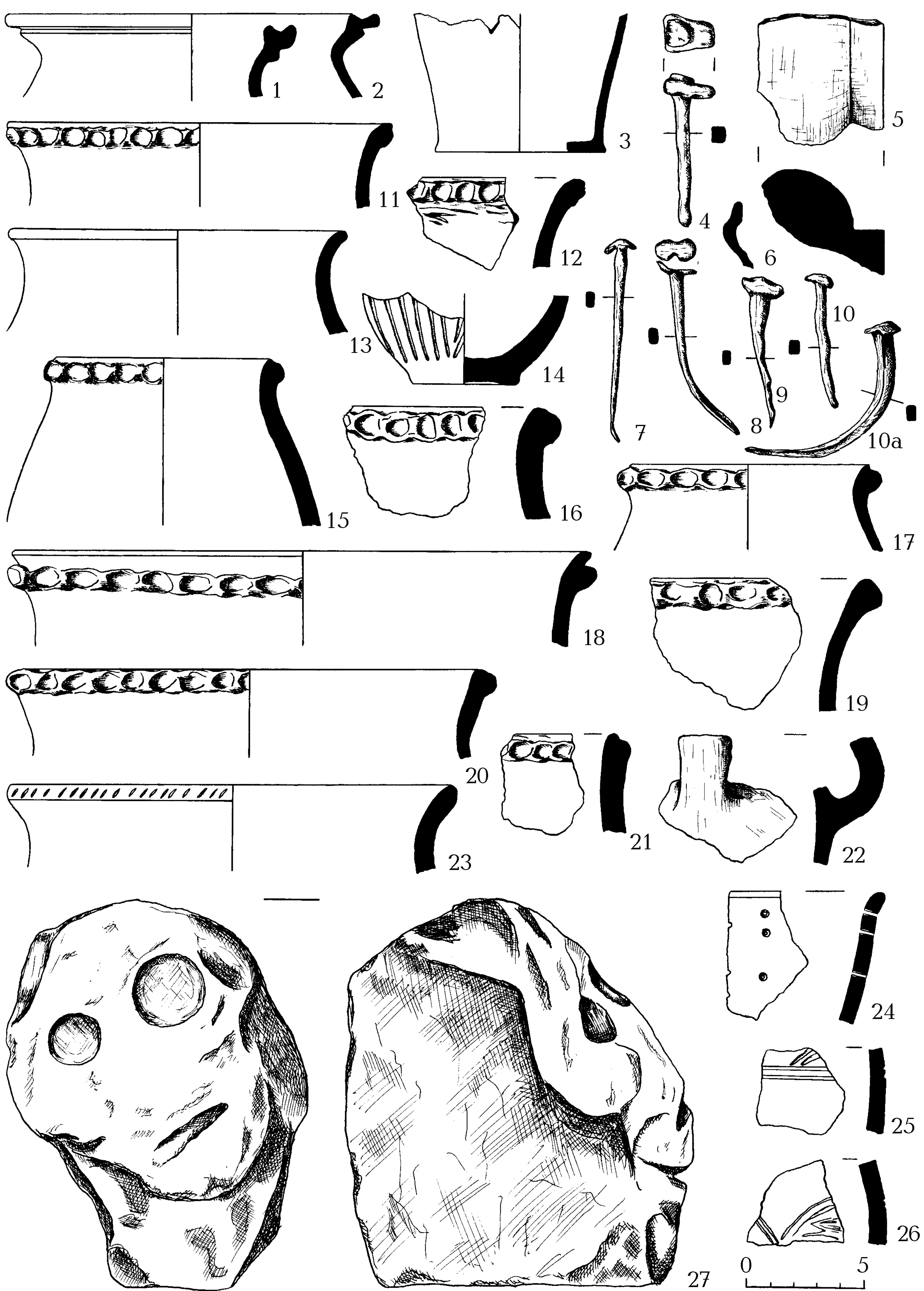

Рис.5. Виноградово (ур.Канков). Инвентарь шурфа 2.

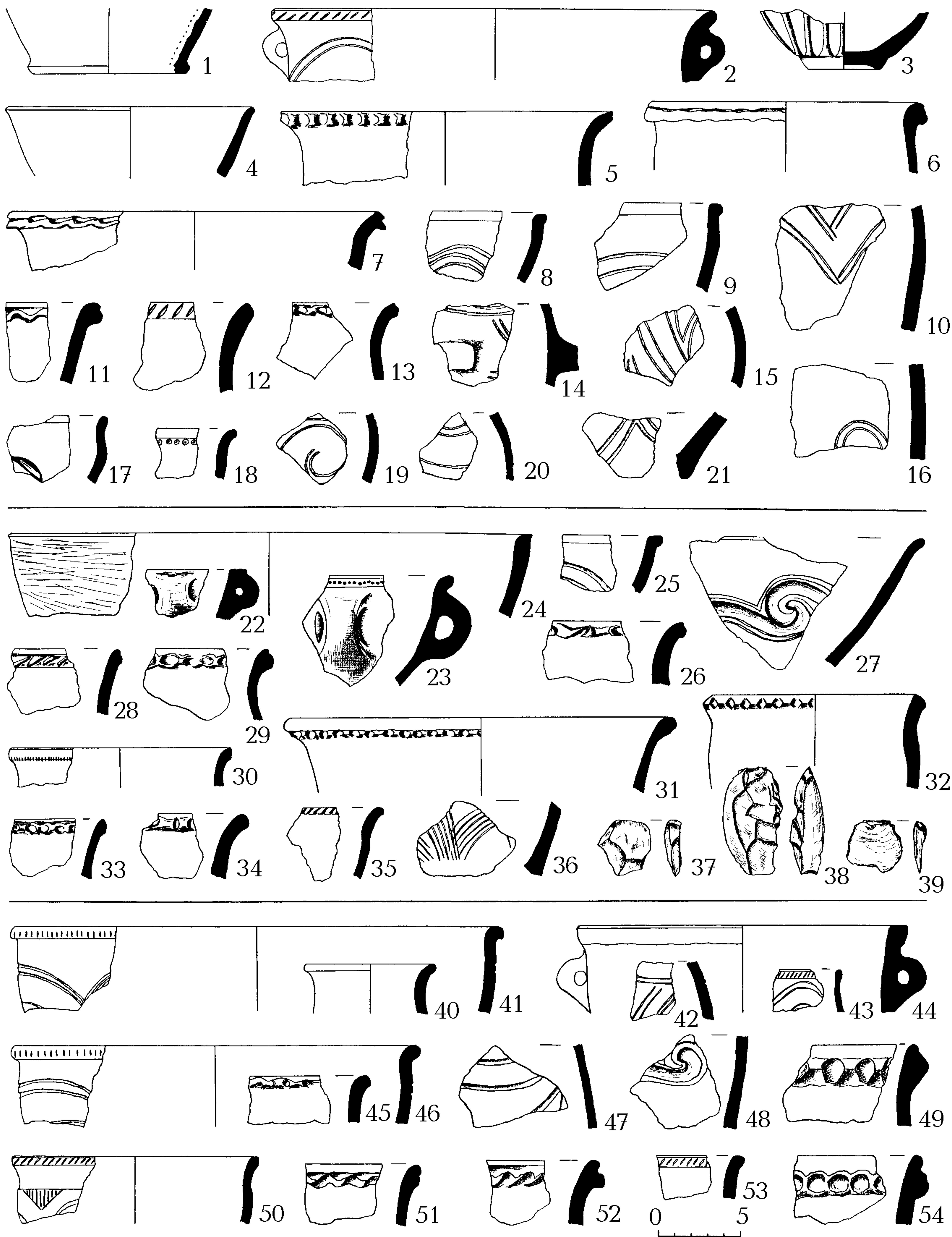

Рис.6. Виноградово (ур.Канков). Инвентарь шурфа 3. 1 – 21 – горизонт 1, 22 – 39 – горизонт 2, 40 – 54 – яма 1.

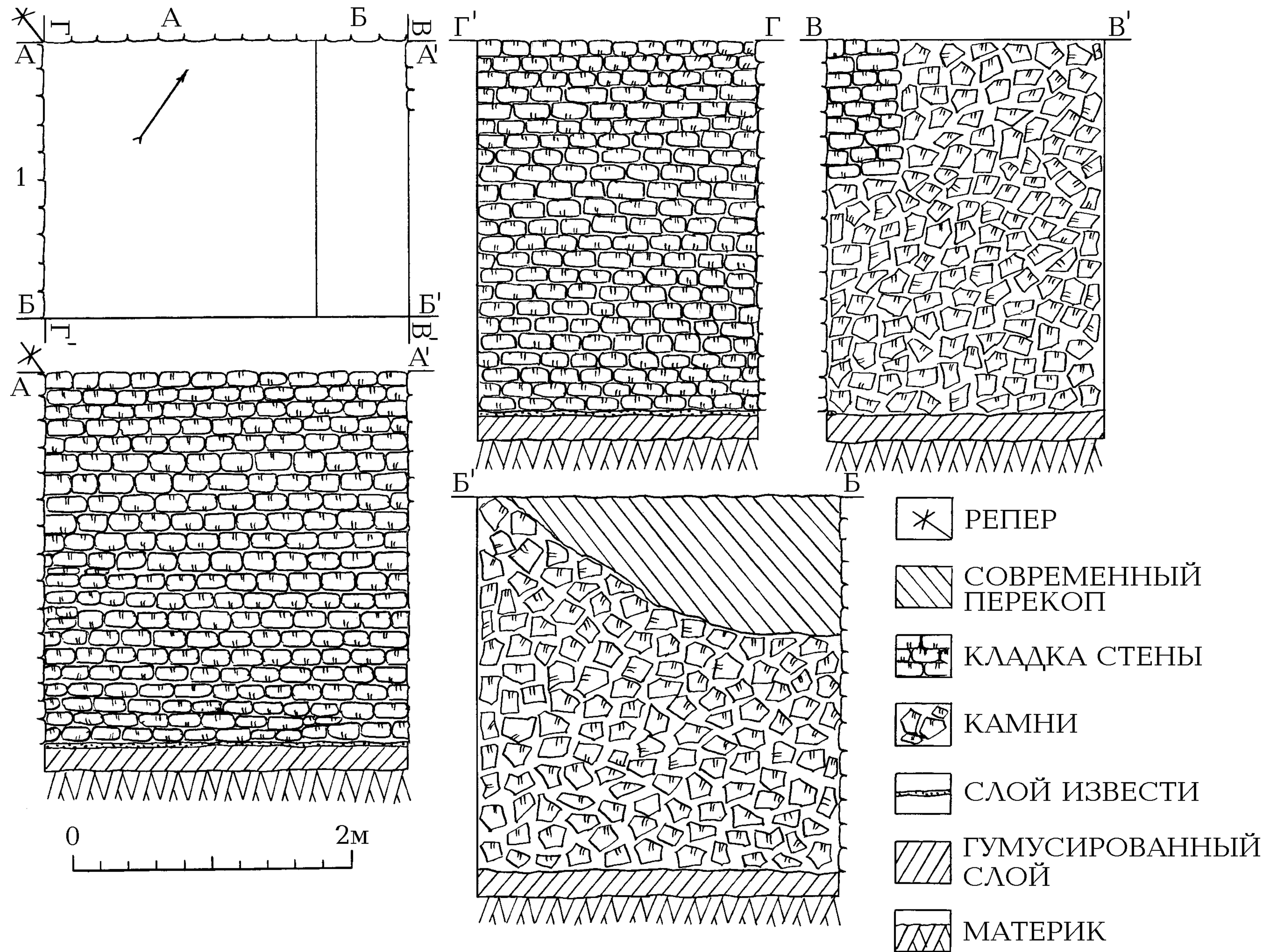

Рис. 7. Виноградово (ур.Канков). План и профиля шурфа 4.

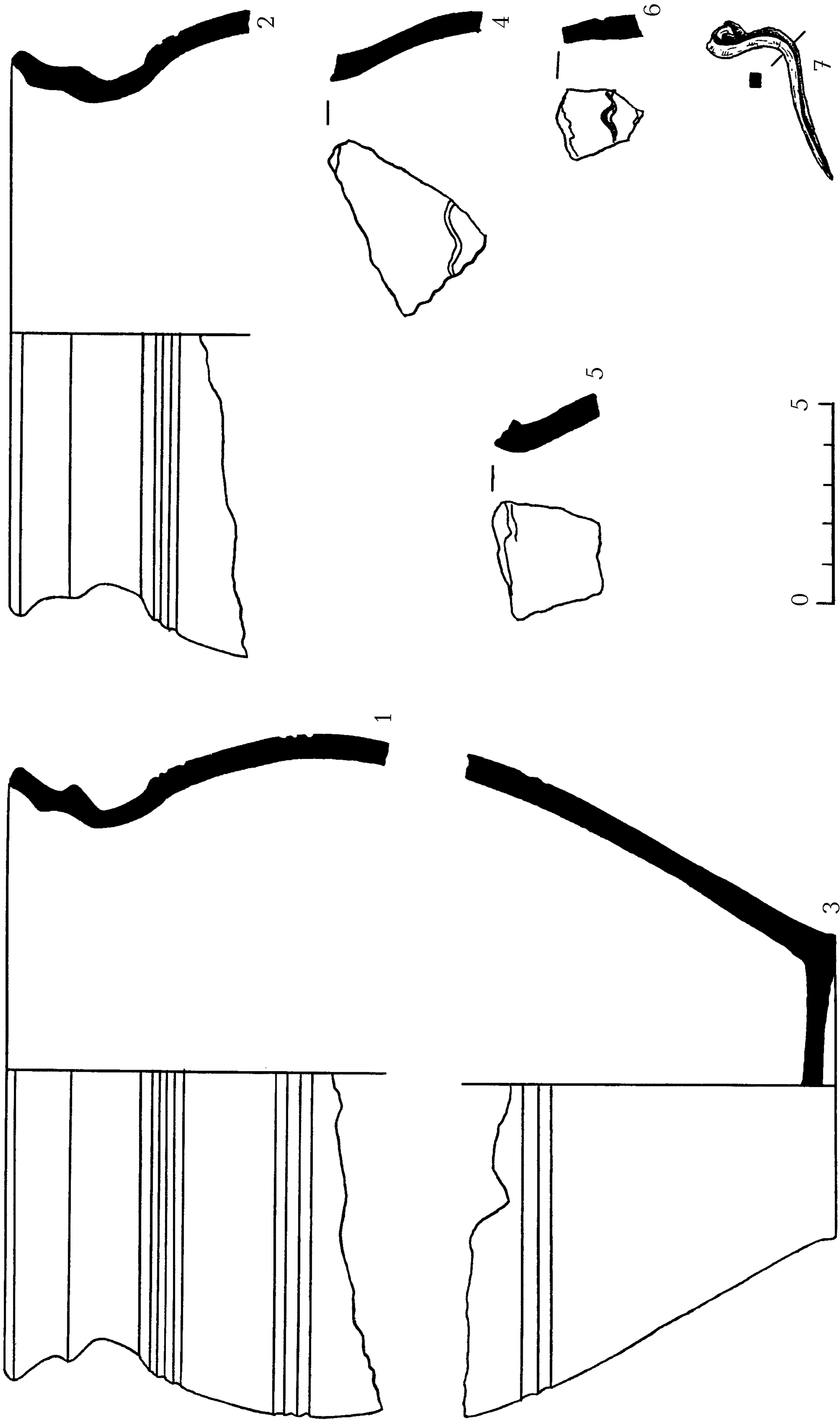

Рис.8. Виноградово (ур.Канков). Инвентарь шурфа 4.

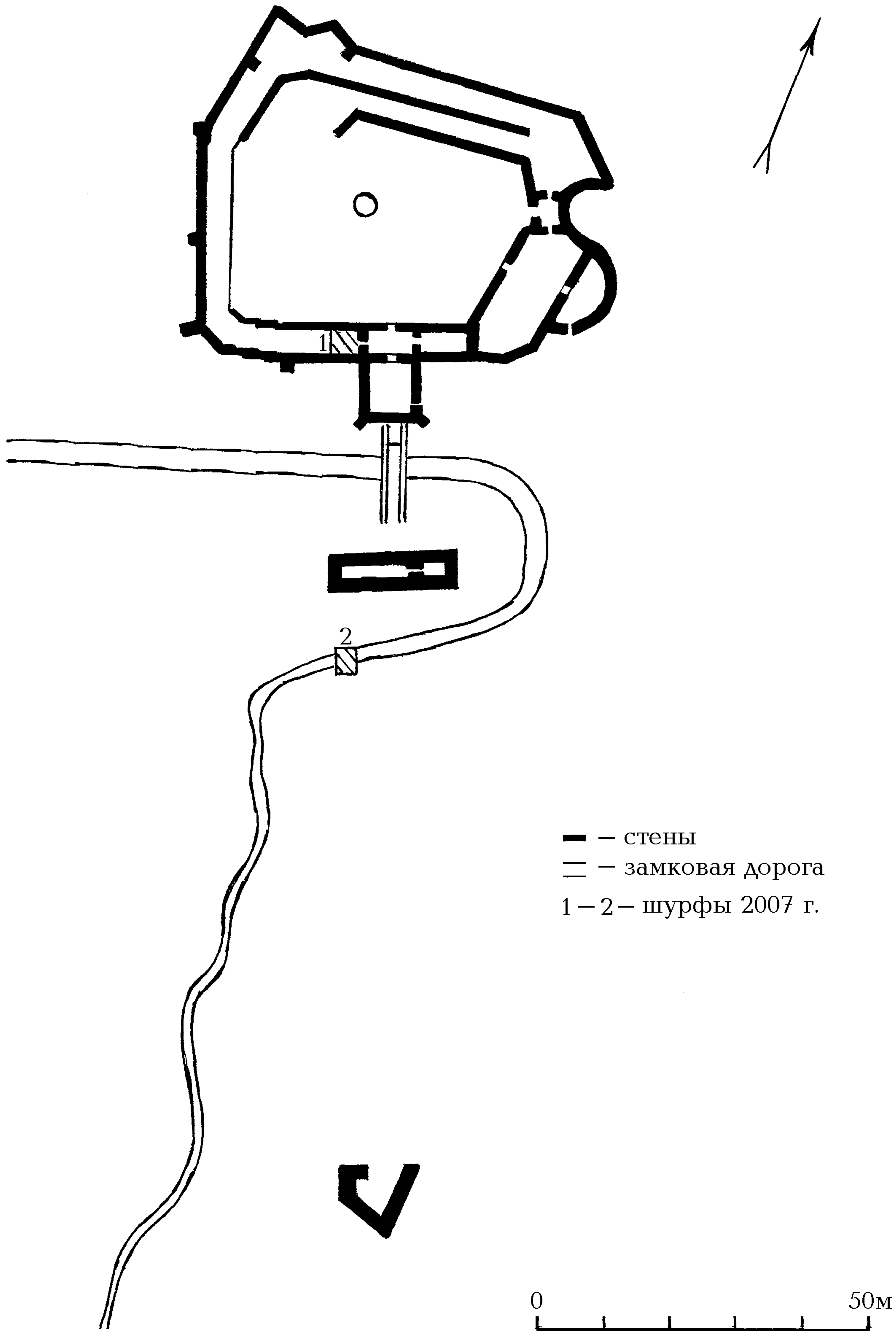

Рис.9. Королево. План замка в ур.Нялаб.

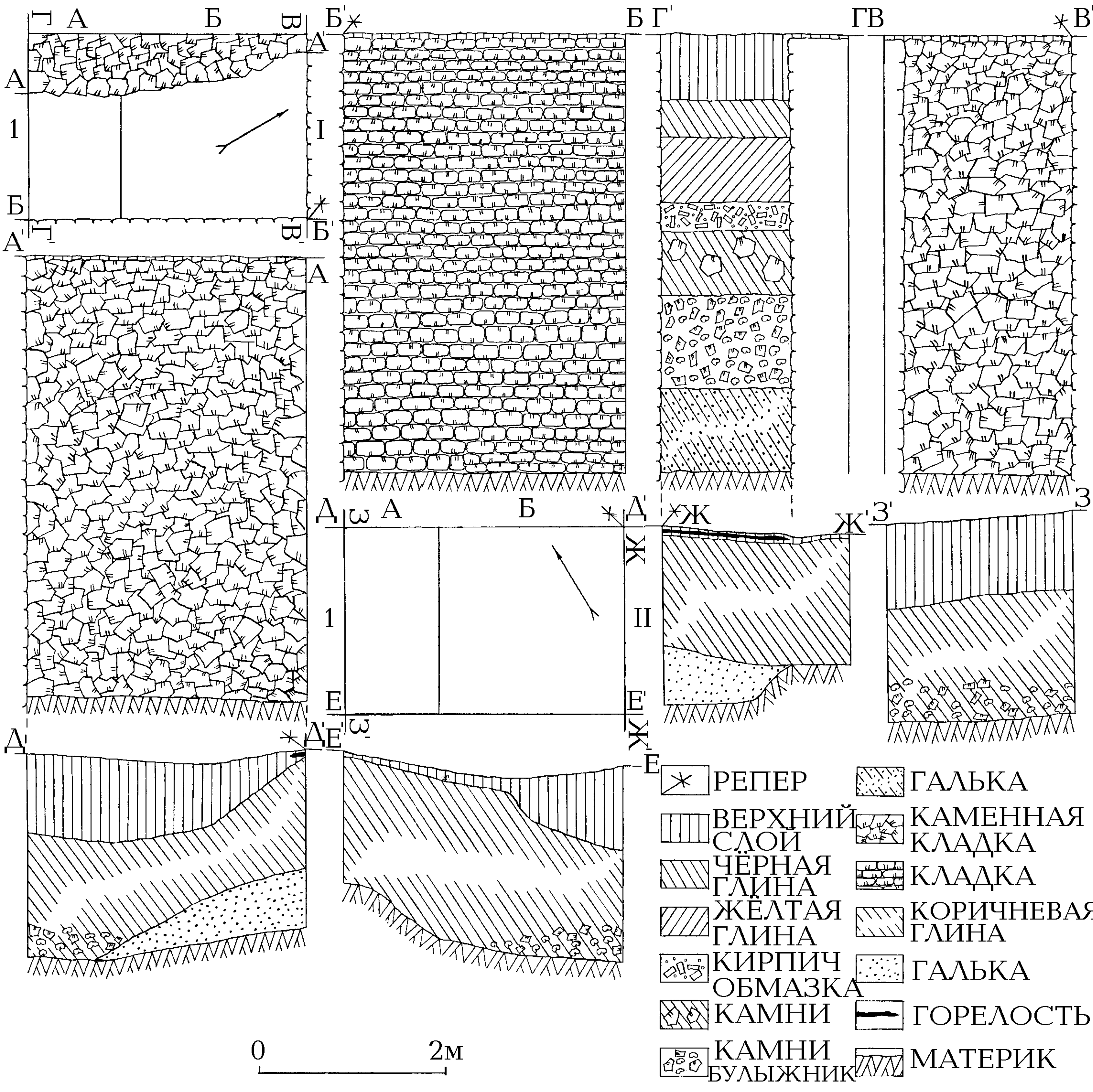

Рис.10. Королево (ур.Нялаб). Планы и профили шурфов 1 (I) и 2 (II).

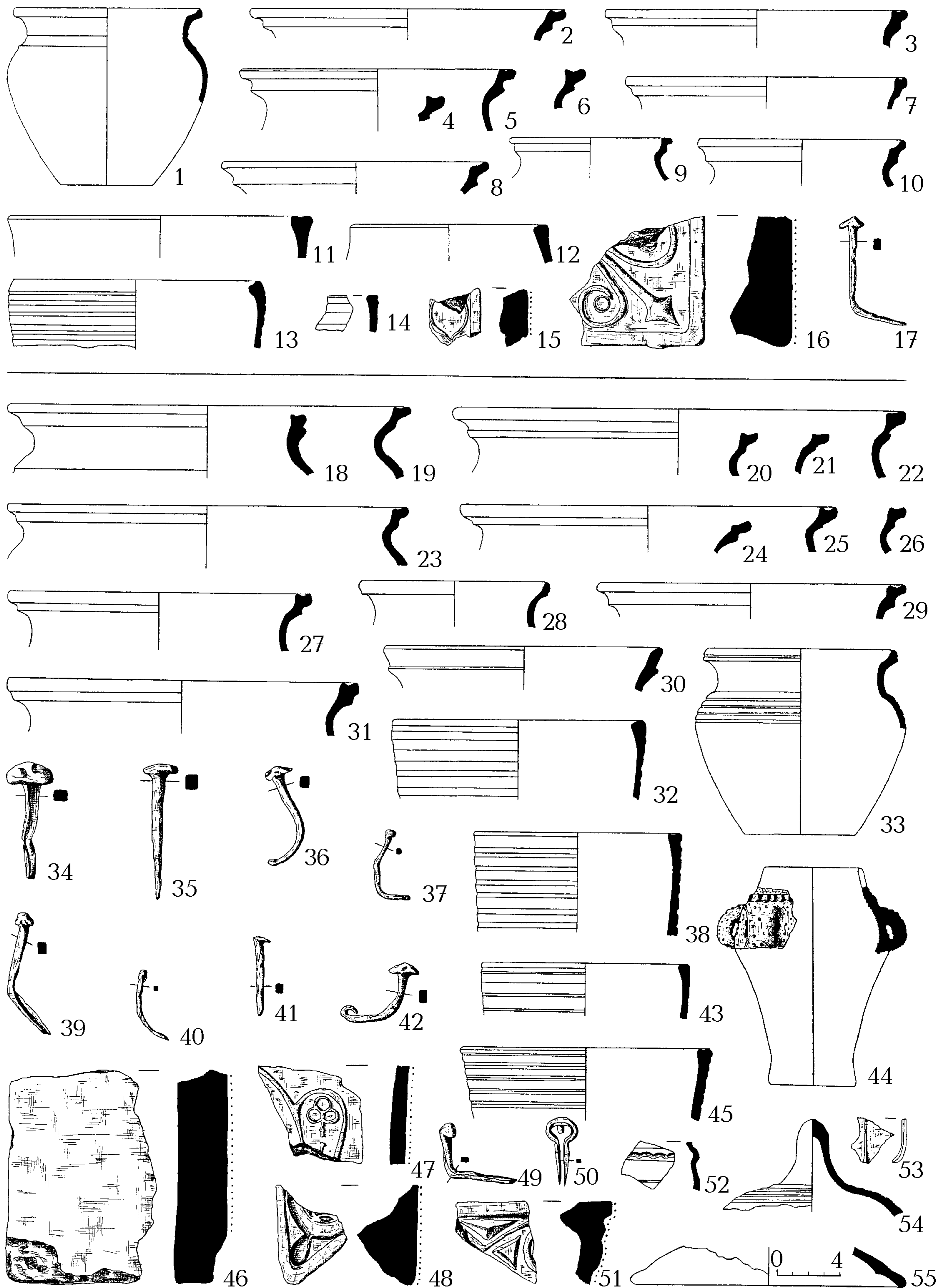

Рис.11. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 1. 1 – 17 – 0 – 0,2 м,
18 – 55 – 0,2 – 0,4 м.

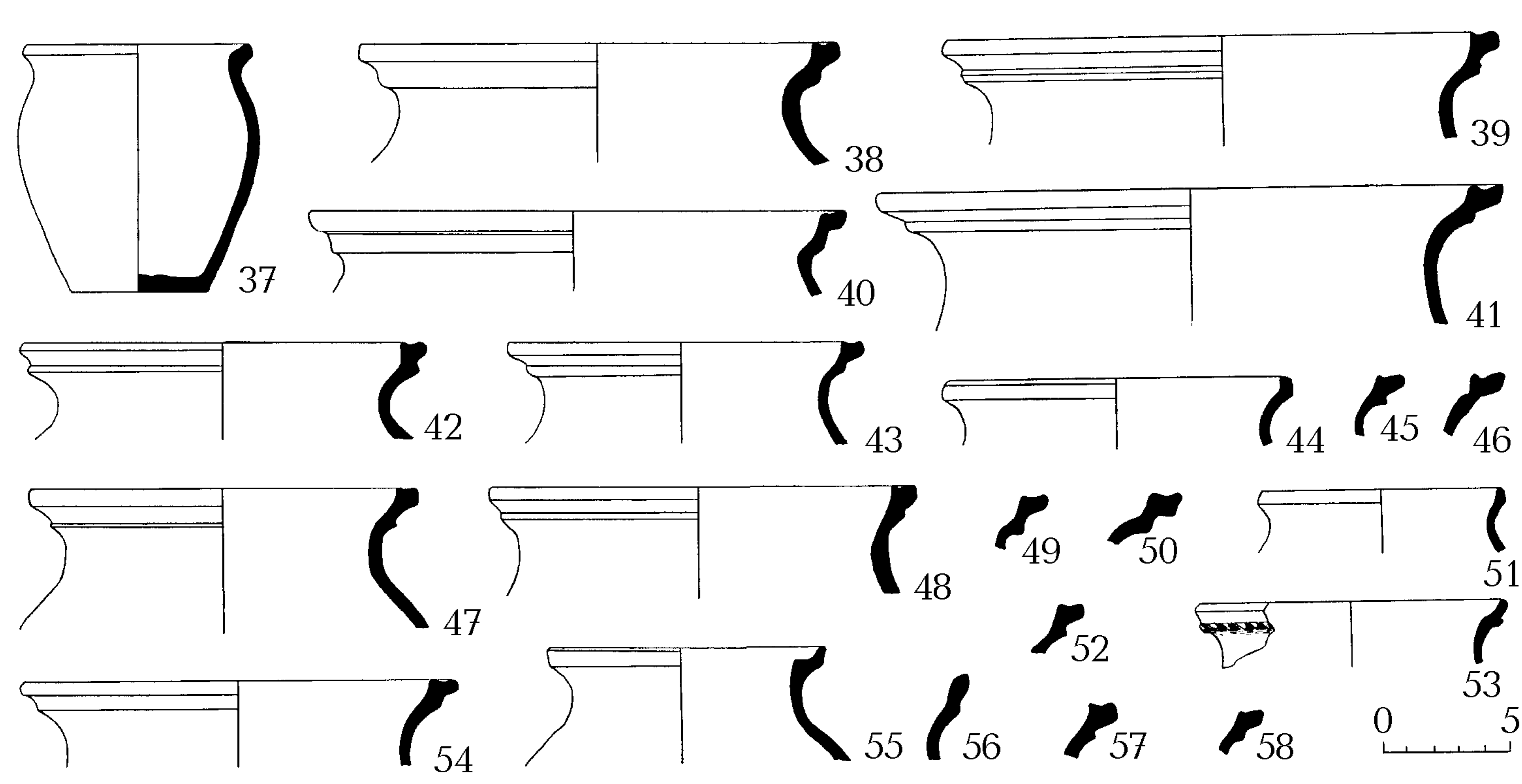
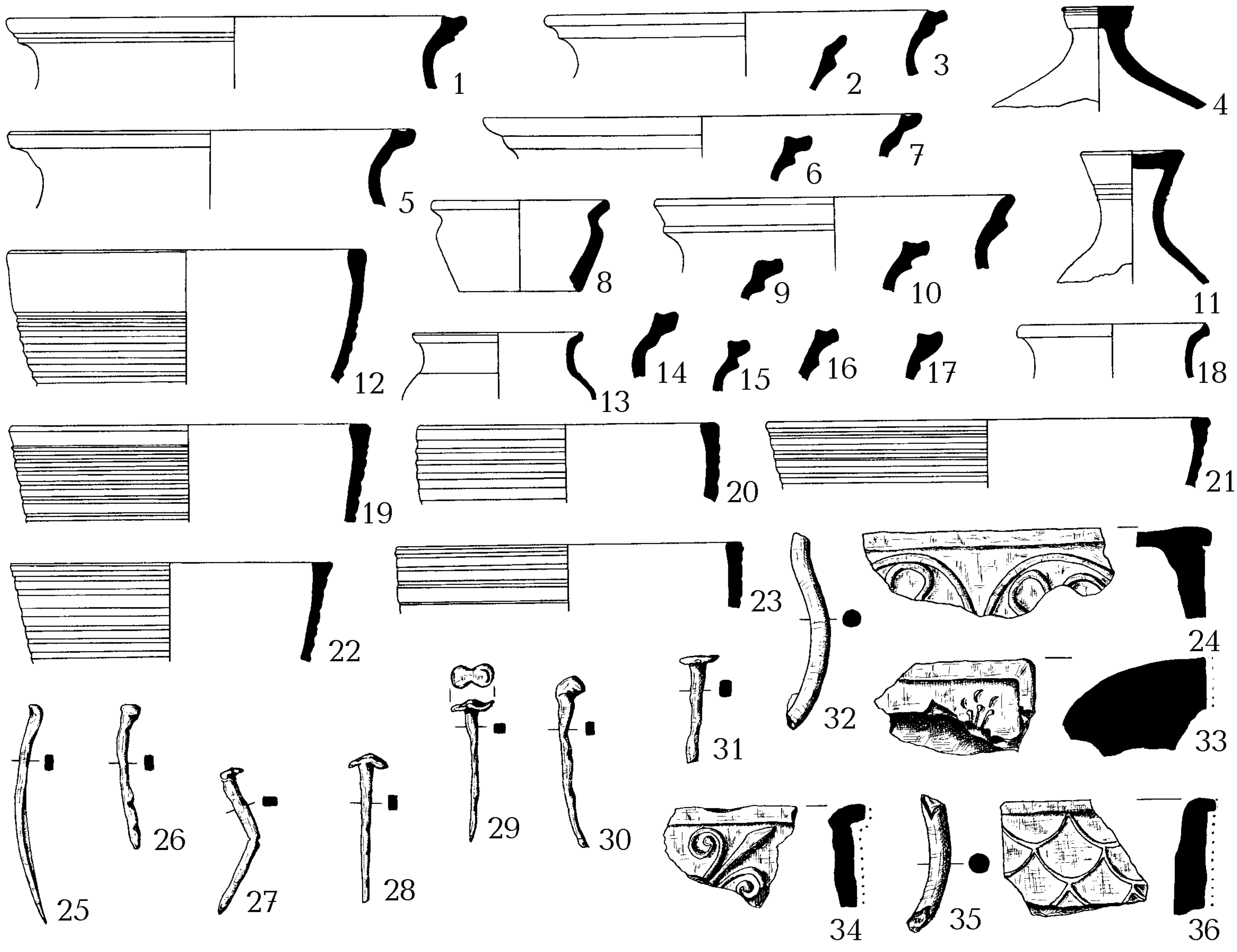

Рис.12. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 1. 1 – 36 – 0,4 – 0,6 м,
37 – 58 – 0,6 – 0,8 м.

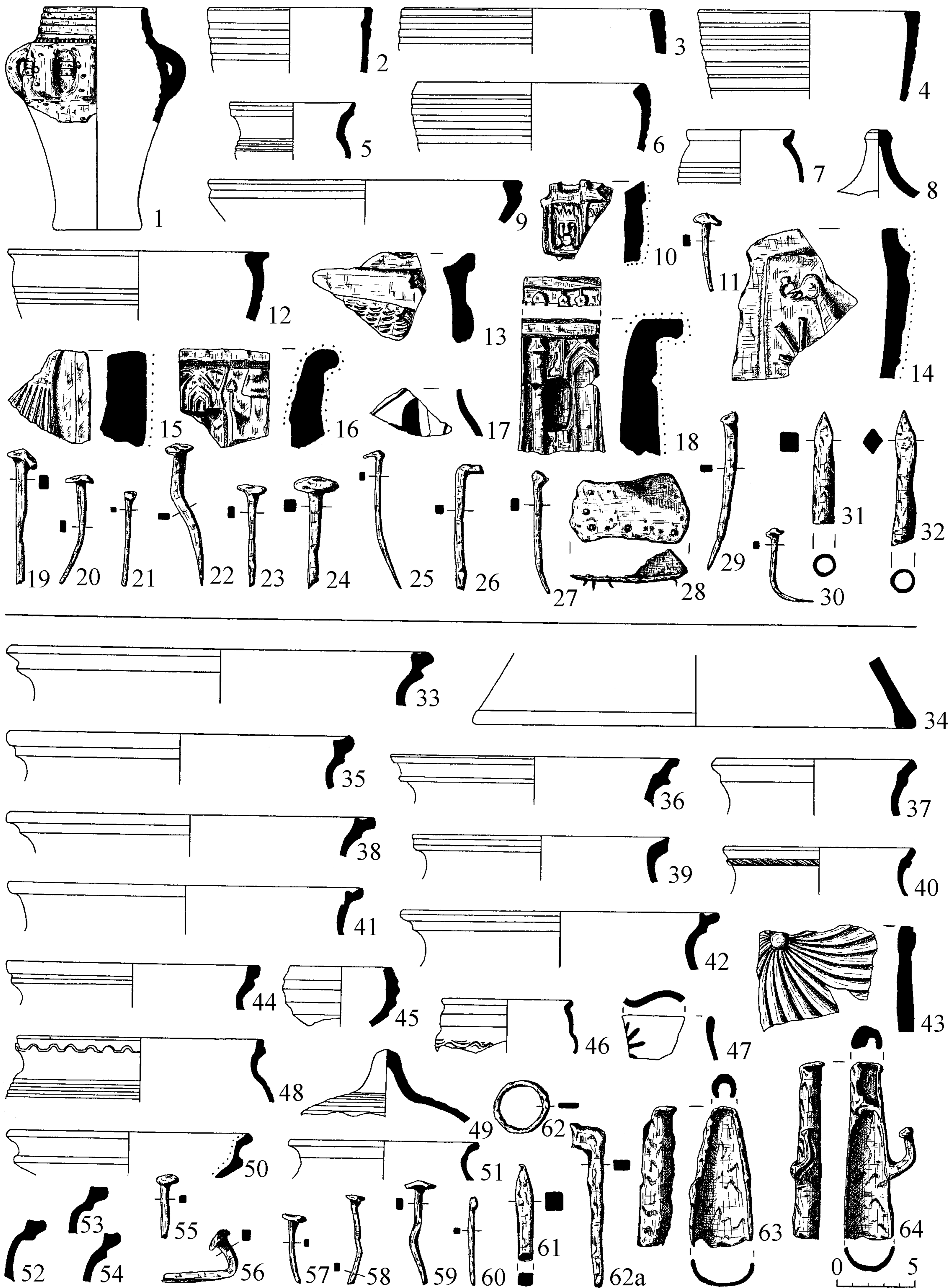

Рис.13. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 1. 1 – 32 – 0,6 – 0,8 м,
33 – 64 – 0,8 – 1 м.

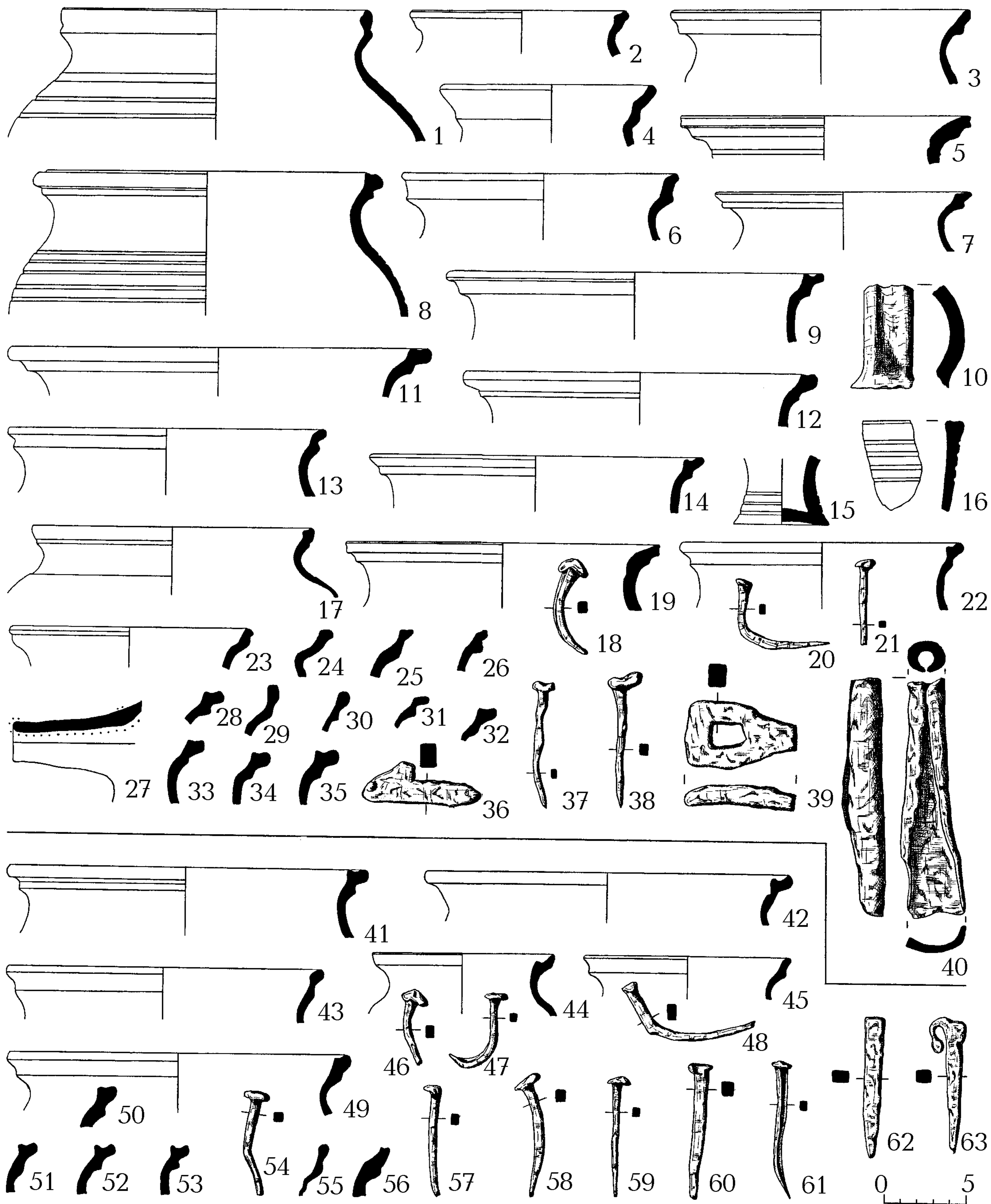

Рис.14. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 1. 1 – 40 – 1 – 1,2 м,
41 – 63 – 1,2 – 1,4 м.

Рис.15. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 1. 1 – 23 – 1,4 – 1,8 м, 24 – 38 – 1,8 – 2,1 м, 39 – 56 – 2,1 – 2,8 м.

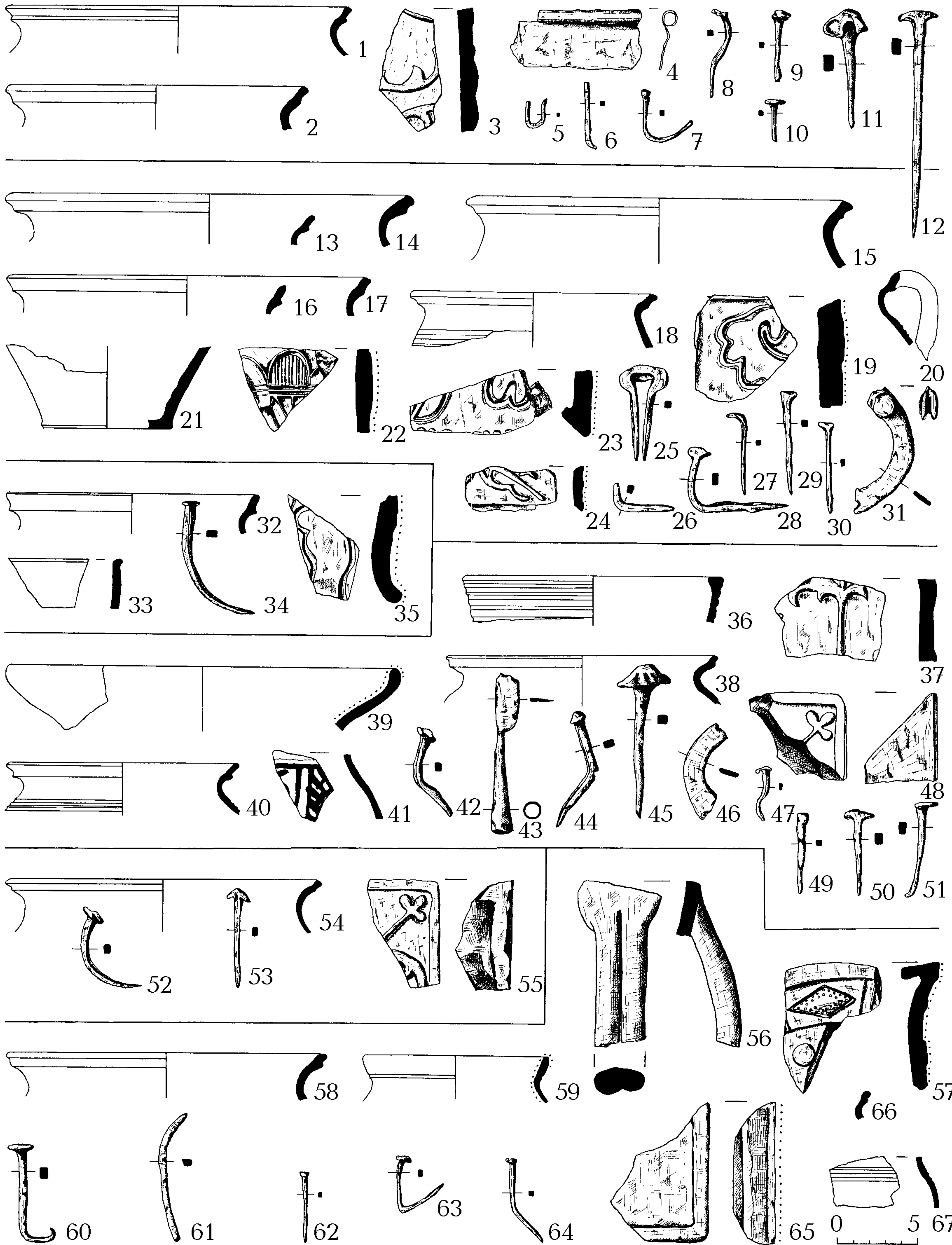

Рис.16. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 2. Глубина 0—1,2 м.

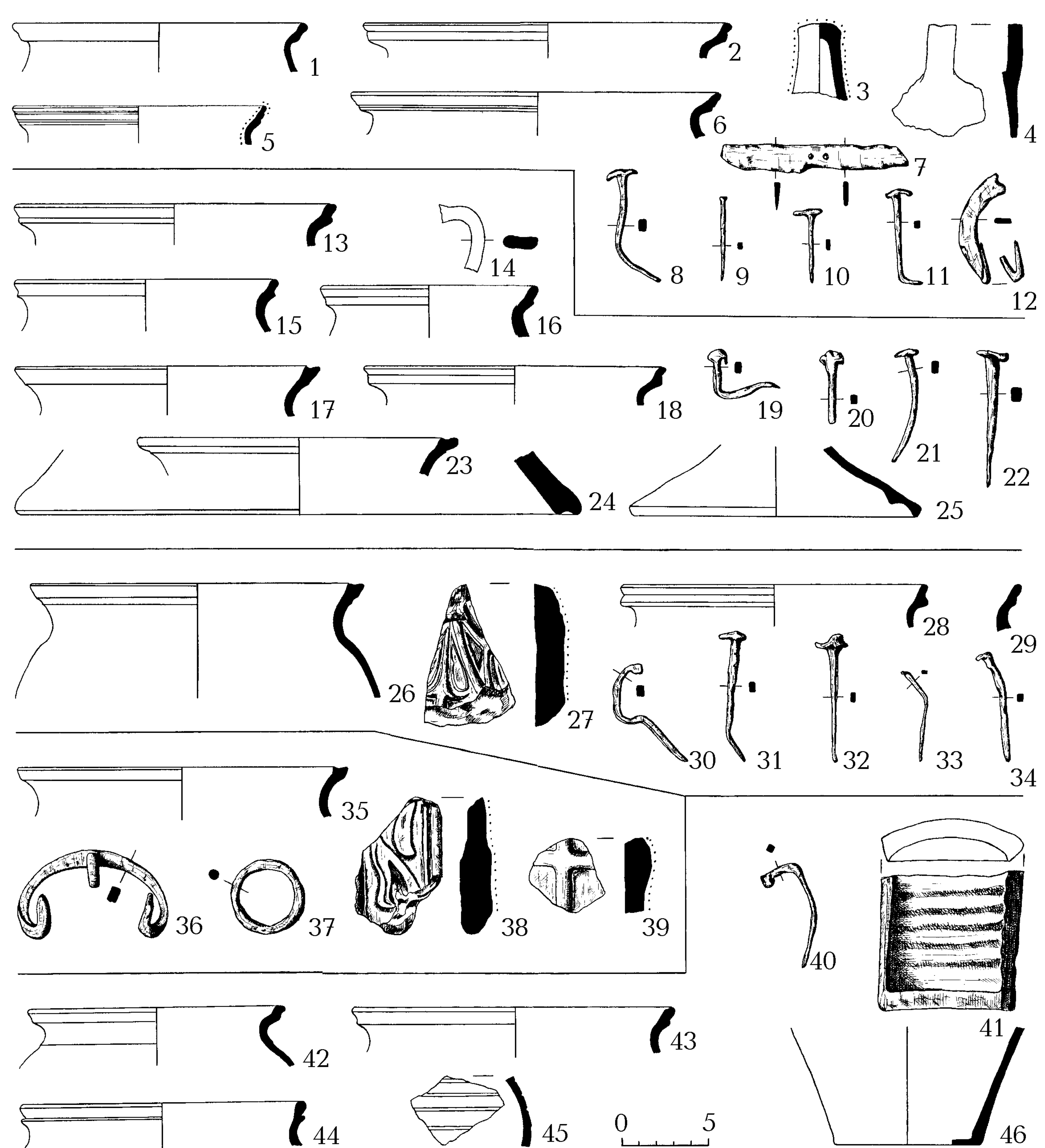

Рис.17. Королёво (ур.Нялаб). Инвентарь шурфа 2. Глубина 1,2 – 2,2 м.

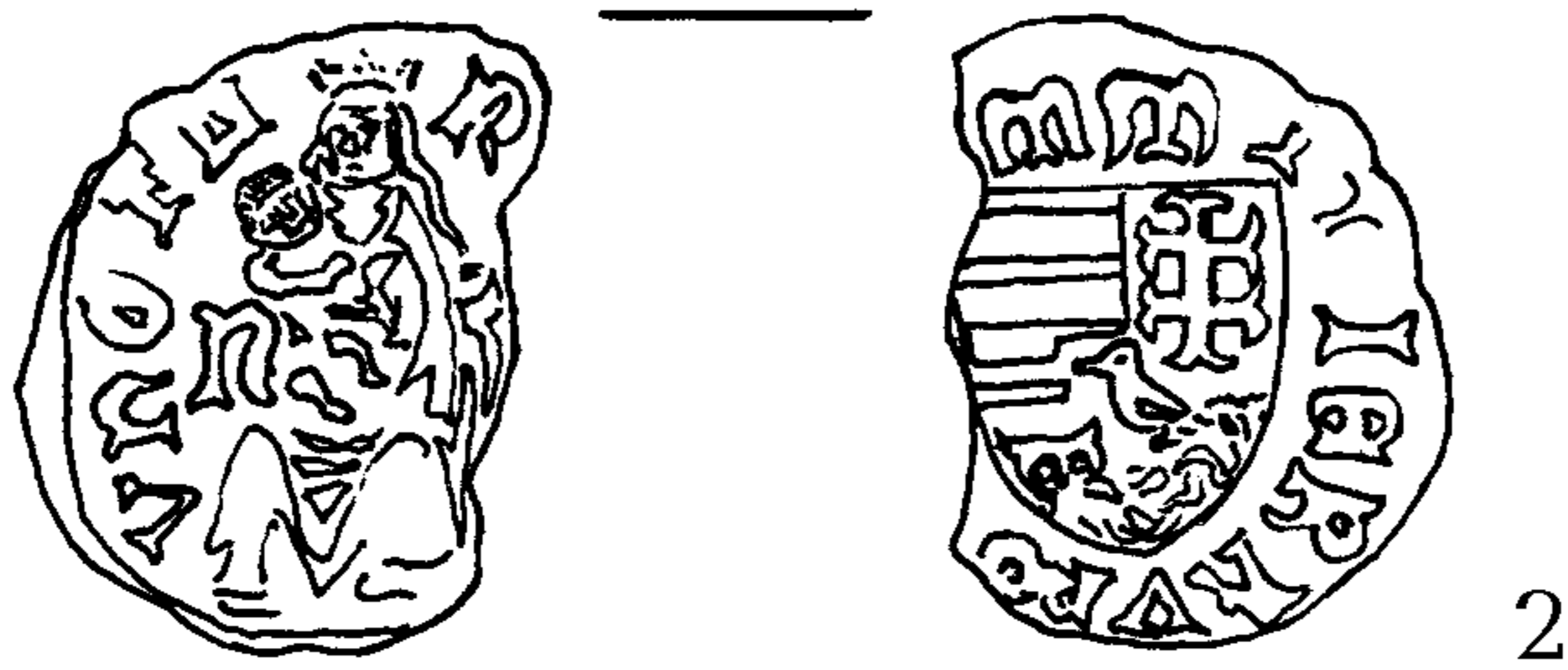
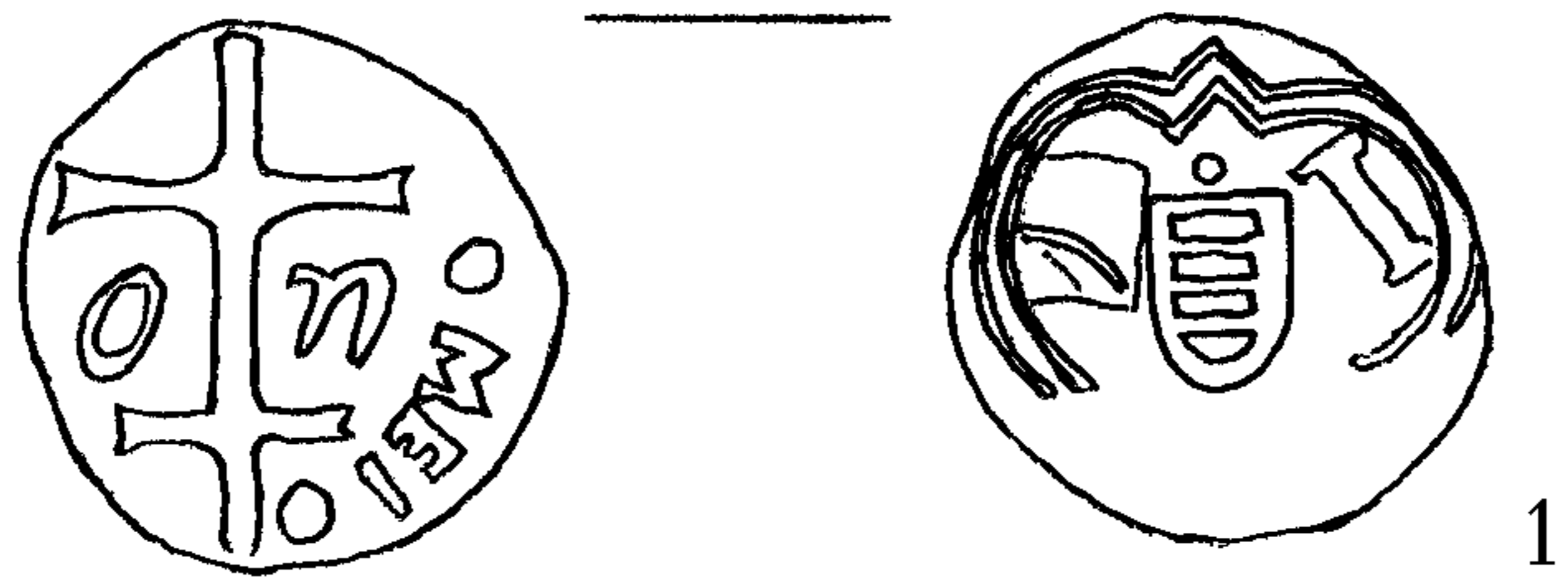

Рис.18. Королёво (ур.Нялаб). Монеты.